

АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ

Неизвестный
Остановленный
блицкриг **1941**

Алексей Исаев

**Неизвестный 1941.
Остановленный блицкриг**

«Яуза»

2012

Исаев А. В.

Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг / А. В. Исаев —
«Яуза», 2012

Новая книга ведущего военного историка! Переосмысление трагедии 1941 года. Переоценка первых сражений Великой Отечественной. Вся правда о великой битве за Белоруссию. Когда заходит речь об июньской катастрофе Западного фронта, на ум сразу приходят пылающие аэродромы, брошенные на обочинах новейшие Т-34 и КВ, понурые толпы пленных – историки до сих пор представляют Приграничное сражение как избиение огромной, плохо организованной массы красноармейцев немногочисленными, но мобильными и великолепно управляемыми немецкими войсками. Соответствуют ли эти представления действительности? Имела ли Красная Армия в июне 41-го численное превосходство на границе? «Спали» ли приграничные аэродромы? Был ли разгром Западного фронта неизбежной закономерностью – или следствием вопиющих ошибок командования? И как из хаоса, возникшего после окружения под Минском, всего за несколько недель вырос устойчивый фронт, заставивший гитлеровцев отложить наступление на Москву? Проанализировав колоссальный объем не только советских, но и немецких оперативных документов, прежде недоступных исследователям, Алексей Исаев приходит к сенсационным выводам, давая исчерпывающий ответ на самые сложные и болезненные вопросы отечественной истории.

© Исаев А. В., 2012

© Яуза, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Хищник: Группа армий «Центр»	9
Глава 2. Жертва: Западный особый.	22
Люди, которые играют в игры.	29
На земле, в небесах и предполье	38
Последние мирные дни.	51
Глава 3. Шок первых дней	53
2-я танковая группа. Низкий старт.	56
3-я танковая группа. Алитус.	60
Побудка в Гродно.	67
Воздушный Перл-Харбор.	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Алексей Исаев

Неизвестный 1941.

Остановленный блицкриг

Автор выражает благодарность Н. Власову, Г. Дейчуку, В. Замулину, И. Островскому, А. Томзову, Д. Шену за неоценимую помощь в работе над этой книгой.

Пролог

Прибывший в пять утра делегат связи козырнул и бесстрастно вручил пакет. Он даже не глушил свой мотоцикл. Хруст ломаемого сургуча и шорох плотной бумаги конверта потонули в удаляющемся реве двигателя. В названии извлеченного из конверта документа гремело железо: «Директива №27. Штаб Запфронта. Белосток». Глаза жадно выхватывали чеканные фразы: «Войска Западного фронта по выполнении частной операции по захвату Сувалкского выступа...», «стремительным ударом завершить разгром противостоящего противника, не дав ему соединиться с резервами из района Нейденбург и Варшава и отойти за р. Висла», «выйти главными силами на р. Висла в готовности к немедленному нанесению удара...», «подготовить выброску воздушных десантов». Город еще спал и даже не догадывался о причинах суеты людей в военной форме со звездами и «шпалами» в петлицах. Дата на листке отрывного календаря на стене не оставляла сомнений в реальности происходившего – 1941 год.

«Стоп, стоп, стоп!» – скажет читатель – «Какая Висла, какие десанты? Все знают, что Западный фронт в 1941 г. потерпел жестокое поражение. Что за альтернативная история?». Все это действительно так. Но Директива № 27 отнюдь не мистификация, более того ее действительно вручали генералам Красной армии ранним утром одного весеннего дня 1941 г. Происходило это в Минске. Документ был частью фронтовой оперативной игры, проведенной под руководством Военного совета Западного особого военного округа 15–21 марта 1941 г. В игре участвовали штабы всех трех армий округа, штаб ВВС и ряд других управлений. Их развезли по разным районам города, и командующие могли общаться друг с другом и штабом фронта как в настоящем сражении – по телефону и телеграфу.

Задание на игру формулировало сложившуюся к ее началу обстановку как вполне благоприятную: «В результате встречных сражений войска Западного фронта «восточных» отразили наступление «западных»...»

Настрой войск Западного особого военного округа существенно отличался от настроения армий многих других сражений Великой Отечественной войны. Те люди, которые отыгрывали наступление на Вислу, еще не имели оглушительного опыта разгрома и окружения. Внезапное появление в тылу танков с крестами, ходящие буквально по головам вражеские пикировщики – все это было в новинку. Люди июня 1941 г. еще не были так напуганы, подавлены заранее, как это имело место в дальнейшем, после череды катастроф. Еще была вера в обратимость катастрофического развития событий. 1 августа 1941 г. танковый генерал Мостовенко написал в заключении отчета о боевых действиях своего мехкорпуса: «Почему же нам, готовившимся к разгрому противника, его преследованию и уничтожению на р. Висла или зап[аднее], следует отказаться от крупных подвижных мехсоединений?»¹. Пройдя через ад боев в белостокском выступе, отходя по забитым горячей техникой дорогам, он не забыл этой мечты о победе,

¹ ЦАМО РФ, ф.208, оп.2511, д.83, л.71.

наступлении и ударе на Вислу. Решительность и дерзость Мостовенко, о которой я расскажу в свое время, несомненно, связаны с теми весенними днями, когда он был в числе участников оперативной игры в Минске.

Неудачное начало войны, несомненно, негативно влияет на отношение к ней общества. Начавшаяся в августе 1914 г. с патриотического энтузиазма и бросания в воздух чепчиков война вскоре окатила русское общество ледяным душем – катастрофой армии Самсонова в Восточной Пруссии. Армия была окружена, сам генерал Самсонов застрелился. Те события небезосновательно считали предвестником последовавшей в 1917 г. революции.

В 20–30-е годы история с армией Самсонова стала излюбленным коньком в обличении царского руководства новой властью. Особенно в связи со вскрывшимися скандальными обстоятельствами разгрома: чтение немцами радиogramм, плохое взаимодействие армий Самсонова и Ренненкампа итп. В пропагандистской литературе не жалели черных красок: «Напрасно генерал Жилинский, главнокомандующий Северо-Западного фронта, считал наступление в Восточную Пруссию заранее обреченным на верную неудачу, напрасно начальник штаба генерал Янушкевич отговаривал от немедленной атаки – из Парижа торопили. [...] «Окончательным результатом» была гибель русских армий, но царь выполнил свой договор: за французское золото он расплатился кровью и жизнью трудящихся»². В специальной литературе тоже не упускали случая пнуть предыдущих властителей: «Несомненно, Наполеон понимал это требование теории, и очень стремился под Лейпцигом не допустить сближения союзников; однако, с этой задачей ему справиться не удалось. Эта задача удалась Людендорфу во время Самсоновской операции; но это не заслуга германского командования – а непригодность командования русским северо-западным фронтом к своей деятельности»³. Считалось, что Красная армия не допустит подобного неудачного дебюта. Но, к сожалению, – накаркали. Великая Отечественная тоже началась с катастрофы с окружением войск.

Эпическая драма разгрома Западного фронта в июне 1941 г. стала в послевоенные годы притчей во языцех, своего рода аналогом истории с армией Самсонова. Особый колорит тем событиям придавал факт последовавшего вскоре расстрела командующего фронтом Павлова и ряда его сослуживцев. Н. С. Хрущев поспешил заявить, что он сразу увидел в Павлове плохого руководителя и даже загодя предупредил об этом Сталина. Но тот, якобы, ничего не хотел слушать. В своих воспоминаниях Никита Сергеевич озвучил поп-версию событий на Западном фронте: «Когда командующим в войска Белоруссии был назначен Павлов, я даже не знал о такой перестановке, что тоже характерно, хотя был членом Политбюро. [...] А чем это кончилось, всем известно. Павлов в первые дни войны потерял управление войсками. Он совершенно не подготовил свои войска к гитлеровскому вторжению и потерял сразу технические средства: авиация была уничтожена на аэродромах, это мы знали. [...] Сталин осудил Павлова и его начальника штаба. Эти люди были расстреляны в первые дни войны. Но фронт развалился, и немцы двинулись без всякого сопротивления в глубь нашей страны»⁴.

Оборот «без всякого сопротивления» пусть останется на совести Никиты Сергеевича, но Павлов стал, несомненно, одним из самых известных советских военачальников. Если Хрущев отмахнулся от случившегося высокомерным «А я предупреждал!», писатель Стаднюк попытался проанализировать личность расстрелянного генерала. В эпопее «Война» он писал: «Но как же чувствует себя простой смертный, если судьба вдруг с такой стремительностью вознесла его к полному и наивысшему созвездию генеральских отличий...? И могут ли эти отличия заменить ему то многое, не выстраданное в нелегкой армейской службе, в напряженных штабных и полевых учениях и в тиши академических аудиторий, где в своей разнообразной

² История гражданской войны в СССР. Т. I. М.: ОГИЗ, 1936, С.11.

³ Стратегия в трудах военных классиков. Т. II. – М.: Госвоениздат, 1926, С.133.

⁴ Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). Книга I. – М.: ИИК "Московские Новости", 1999, С.284-285.

совокупности неторопливо постигаются глубины военного опыта, постепенно созревает полководческий талант? [...] Родился ли из отважного командира Павлова полководец Павлов?»⁵. Действительно, в личности Павлова как в капле воды отразилась Красная армия 1941 г. Он был одним из многочисленных командующих, быстро выдвинувшихся на волне роста Красной армии и, не будем греха таить, освобождения высших командных должностей из-за репрессий. Версия о недостаточной подготовленности стремительно выдвинувшегося человека была одной из самых простых и понятных.

Однако поискам причины катастрофы на ниве психоанализа имели один существенный изъян. Было совершенно неочевидно, что простая замена персонажа могла изменить ход драмы. Словно тезис о том, что Западный фронт теоретически и практически мог устоять под ударом немцев, не требовал никаких доказательств. Какую-то роль в такой постановке вопроса, разумеется, сыграл сам итог боевых действий на советско-германском фронте – флаг над Рейхстагом. Точно так же превосходство Красной армии и Западного фронта в частности над противником в некоторых типах военной техники (танки, самолеты) работало на версию «командиры предали» точнее «неопытные выдвиженцы облажались». А если бы не они, то танковая группа Гудериана сгорела бы в полном составе где-нибудь под Барановичами. От конкретных рецептов счастья предпочитают при этом уклоняться, ограничиваясь общими словами вида «надо было Т-34 и КВ поставить в засады как Катюхов под Мценском».

Даже простой встречный вопрос «где будем засады организовывать?» ставит в тупик. Ответ «на пути танковых полчищ Гота и Гудериана» повисает в воздухе т.к. Павлову, очевидно, нужно было заранее знать, где именно эти полчища будут наступать. Задача обороны Белоруссии кажется нам простой, когда мы смотрим на карту из многотомника советских времен, на которой уже четко обозначены направления ударов противника. Для того, чтобы влезть в шкуру Павлова нужно сначала уяснить себе, что многотомника хрущевских времен у него под рукой не было и свежих донесений от Штирлица из Берлина он не получал. Поэтому чтобы его судить имеет смысл хотя бы представить себя на месте командующего фронтом в июне 1941 г.

Есть в отношении 1941 г. также еще один странный стереотип. В приказах по итогам неудачных операций командиров и командующих Красной армии ругали за плохую организацию разведки, связи, ввод подразделений в бой по частям, распыление сил итп. промахи. Соответственно ввод в оборот этих документов привел к весьма своеобразному результату. Вермахт, то есть удачливый противник советских войск в 1941 г. естественным образом становился идеальной военной машиной. Казалось, что немцы двигаются в идеальном порядке, их разведка и связь работают с точностью морского хронографа и на все случаи жизни у них оказывается план действий. Отсюда оказывается один шаг до следующего, казалось бы, логичного вывода: немцы побеждали летом 1941 г. прежде всего ввиду своего качественного превосходства, нежели количественных показателей. Однако изучение немецких документов отнюдь не подтверждает эту версию. Выясняется, что сплошь и рядом немецкие дивизии, а то и корпуса действовали почти вслепую, имея весьма туманное представление о находящемся по другую сторону фронта противнике. Связь, в том числе по радио, пропадала на многие часы, и командование танковой группы могло по полдня пребывать в неизвестности относительно положения тех или иных ее подразделений. Принимаемые немецкими генералами решения также оказываются далеко не безупречными при ближайшем рассмотрении. Вместе с тем все это делает противника более живым, непохожим на размереннодвигающуюся механическую куклу.

На мой взгляд, здесь просто не нужно ставить телегу впереди лошади. Приказы Ставки, фронтов и армий об улучшении разведки, связи и прочего отдавались для того, чтобы увеличить эффективность действий войск. Они никоим образом не означали, что даже максимально возможное улучшение всего этого давало шанс на успех в тех условиях, в которых

⁵ Стаднюк И.Ф. Война. М.: Воениздат, 1987,

оказалась Красная армия в 1941 г. Разведка, связь лучшего качества, конечно, могли положительно повлиять на ситуацию, но в большинстве случаев совершенно неочевидно, что они бы радикальным образом изменили результаты боестолкновений войск сторон. В лучшем случае те или иные советские части и соединения могли точно знать имена своих палачей т.е. нумерацию противостоящих немецких частей и соединений. Однако само по себе знание имени палача отнюдь не избавляет от неизбежной казни. Как мы увидим далее, с выяснением имен палачей было порой не так уж плохо. Но это мало помогало в изменении судьбы оказавшихся под угрозой окружения войск.

Осложнялась задача выяснения правды о первом поражении Красной армии недостатком свидетельских показаний. Как со стороны защиты, так и со стороны обвинения. В 1960-х годах, когда возник интерес общества к событиям войны, многие участники боев в Белоруссии уже были мертвы. Причем речь идет в первую очередь о лицах, принимавших решения, как говоря на западе decision maker-ах. Многие рядовые участники, конечно, были еще живы. Но для них происходившее чаще всего было маловразумительной мешаниной маршей, боев и отходов. Как ввиду недостатка знаний о содержании приказов их частям и соединениям, так и ввиду недостатка знаний по оперативным вопросам. Обладавшее нужными знаниями командование фронтом было расстреляно. От Павлова остались пространные, но далеко не исчерпывающие показания в НКВД. Оба командующих окруженных под Белостоком и Минском армий не оставили даже воспоминаний. Командующий 10-й армией К. Д. Голубев умер в 1956 г., командующий 3-й армией В. И. Кузнецов – в 1964 г. Оба командира танковых дивизий сильнейшего на Западном фронте 6-го мехкорпуса до 1960-х не дожили. Один погиб в бою в Крыму, второй – после войны в тюрьме. Документы же многих частей и соединений попросту не сохранились в аду окружения. Поэтому, как говорил известный юморист «начальника транспортного цеха» мы так и не услышали. Осталось довольствоваться обидным «без всякого сопротивления» из уст харизматичного генсека.

Со свидетельскими показаниями со стороны немцев также имелись серьезные проблемы. Ассортимент переводимых в СССР материалов был достаточно узок. К тому же, как мы увидим далее, мемуары давали сильно приглаженную и далеко не во всем соответствующую реальному положению дел версию событий. Немецкие документы же были практически недоступны как исследователям, так и широкой публике. Всё это сформировало целый ряд стереотипов о тогдашних событиях.

Одним словом на современном уровне исторического знания судьба Западного фронта летом 1941 г. требует вдумчивого исследования. Ответы на многие вопросы оказываются не так очевидны, как может показаться. Автор не претендует на всеобъемлющее и исчерпывающее описание событий в Белоруссии летом 1941 г. Масштаб и размах боевых действий был таков, что даже общее их описание потянет на книгу объемом с «Войну и мир». Однако я постарался остановиться на большинстве ключевых событий и дать картину, позволяющую понять механизм и основные линии развития боевых действий.

Глава 1. Хищник: Группа армий «Центр»

Цели и задачи войны против СССР были сформулированы Гитлером 31 июля 1940 г. на совещании в Бергхофе: «Мы не будем нападать на Англию, а разобьем те иллюзии, которые дают Англии волю к сопротивлению. Тогда можно надеяться на изменение ее позиции. [...] Подводная и воздушная война может решить исход войны, но это продлится год-два. Надежда Англии – Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии». Таким образом, германское руководство искало в сокрушении СССР выход из стратегического тупика. Германия не имела возможности решить судьбу войны вторжением на британские острова. Непрямое воздействие виделось Гитлеру в уничтожении надежд Англии на победу над Германией даже в дальней перспективе. Одновременно сокрушение последнего потенциального противника на континенте позволяло немцам перенацелить военную промышленность на производство вооружений для морского флота и авиации.

Те же слова были повторены фюрером на совещании в штабе оперативного руководства Вермахта 9 января 1941 г. Он сказал следующее: «Англичан поддерживает только возможность русского вступления в войну. Будь эта надежда разрушена, они бы прекратили войну. Он [Гитлер] не верит в то, что англичане «совершенно спятили с ума»; если бы они не видели больше никакой возможности выиграть войну, они бы ее прекратили. Ведь если они ее проиграют, им уже больше никогда не иметь моральной силы удержать свою империю от распада. Но если они продержатся, если они сумеют сформировать 40—50 дивизий и им помогут США и Россия, для Германии возникнет очень тяжелая ситуация. Это произойти не должно. До сих пор он [фюрер] действовал по принципу: чтобы сделать шаг дальше, надо сначала разбить вражеские позиции. Вот почему надо разбить Россию. Тогда англичане либо сдадутся, либо Германия продолжила бы войну против Великобритании в благоприятных условиях. Разгром России позволил бы японцам всеми своими силами повернуть на США, а это удержало бы США от вступления в войну. Разгром Советского Союза означал бы для Германии большое облегчение [в войне против Англии]. Тогда на Востоке можно было бы оставить всего 40—50 дивизий, сухопутные силы можно было бы сократить, а всю военную промышленность использовать для нужд люфтваффе и военно-морского флота»⁶. Примерно в том же духе Гитлер высказался в разговоре с командующим группой армий «Центр» фон Боком 2 февраля 1941 г. Последний записал слова фюрера в своем дневнике в следующей формулировке: «Стоящие у власти в Англии джентльмены далеко не глупы, и не могут не понимать, что попытка затянуть войну потеряет для них всякий смысл, как только Россия будет повержена». То есть перед нами не вырванное из контекста высказывание, а осмысленная идея, постоянно озвучивавшаяся на совещаниях руководства.

После принятия политическим руководством Третьего Рейха летом 1940 г. политического решения о нападении на СССР военное руководство немецких вооруженных сил начало вести работу по разработке военных планов разгрома советских вооруженных сил.

⁶ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «Третьего Рейха» против СССР. Смоленск: Русич, 2000, С.125

Генерал-полковник Герман Гот, командующий 3-й танковой группой.

После нескольких предварительных разработок в сентябре 1940 г. начальник Генерального штаба сухопутных войск Франц Гальдер поручил разработку плана войны против СССР еще одному видному военачальнику Третьего Рейха, генерал-майору Фридриху Паулюсу. Последний тогда был только что назначен 1-м оберквартирмейстером Генерального штаба. Именно его разработки, в конечном итоге, и легли в основу плана «Барбаросса». Первые сообщения были доложены Гальдеру 17 сентября, затем под руководством Ф. Паулюса был проведен ряд игр на картах, уточнивших детали. План получил название «Отто». Главный удар предполагалось нанести севернее Припятских болот ввиду благоприятных дорожных условий и возможности прямого наступления на Москву и в Прибалтику. К восьмому дню операции предполагалось достичь районов между Днестром и Бугом, Могилев-Подольского, Львова, Барановичей и Каунаса. На двадцатые сутки войны «Немецкой армии удастся после тяжелых пограничных сражений в Западной Украине, в Белоруссии и в балтийских государствах захватить территорию и достигнуть рубежа: Днепр до района южнее Киева, Мозырь, Рогачев, Орша, Витебск, Великие Луки, южнее Пскова, южнее Пярну и тем самым выйти на линию, которая может стать исходным рубежом для наступления в направлении Москвы»⁷. Не позднее 40-го дня войны планировалось осуществить операцию против Москвы, с охватом советских войск западнее Брянска и Вязьмы (там же). Командование сухопутных сил считало, что в сражении под Москвой будут разбиты последние резервы Красной Армии, которые советское командование выставит для обороны столицы и война закончится до наступления осени.

Несмотря на то, что разработки Ф.Паулюса не были закончены (часть штабных игр планировалось провести в середине декабря 1940 г.), план был 5-го декабря 1940 г. доложен Гальдером Гитлеру. Для решения задачи сокрушения Советского Союза Гальдер назначает в своем докладе 102 пехотных, 32 танковых и моторизованных дивизий, из числа которых круп-

⁷ Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй Мировой войне 1939-1945. М. Наука. 1972, С.249 со ссылкой на W.Gorlits. Paulus: "Ich stehe hier auf Befehl!", Frankfurt a/M., 1960, S.122

ные силы (две армии) вначале будут следовать во втором эшелоне. Существенной ошибкой Гальдера было предположение о том, что большая часть советских войск будет сосредоточена севернее Припятских болот. Однако и предыдущее исследование Грейфенберга⁸, и разработка Зондерштерна⁹ от 7 декабря 1941 г. совершенно справедливо полагали, что большая часть советских войск дислоцируется на Украине. Зондерштерн писал: «если вообще можно говорить о сосредоточении главных сил русских при их теперешней группировке, то оно находится в «Киевском особом военном округе»¹⁰. Но тем же вечером 5 декабря 1940 года начальник штаба оперативного руководства Йодль пригласил к себе Варлимонта и поручил ему на основании соображений штаба сухопутных сил разработать проект директивы верховного главнокомандующего о ведении войны против СССР. Проект был доложен Йодлю 16 декабря, а 17-го декабря папка с планом Ф.Паулюса легла на стол А.Гитлера. Им были внесены в план последние изменения. Варлимонт описал их так: «Если ОКХ [Главное Командование Сухопутных войск] считало критерием успеха всего похода направление главного удара на Москву, так как здесь будут разбиты развернутые на этом направлении основные силы противника, то Гитлер потребовал, чтобы центральная группа армий после уничтожения советских войск в Белоруссии сначала повернула бы часть своих сильных подвижных группировок на север, имея в виду во взаимодействии с северной группировкой уничтожить войска противника, сражающегося в Прибалтике, и далее, после овладения Ленинградом и Кронштадтом, наступала бы на Москву»¹¹.

Наконец, 21 декабря директива была утверждена. Гитлер дал ей название «Барбаросса». Общий замысел операции был сформулирован так: «Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено»¹². Соответственно задачам была построена и форма операции, как в полосе группы армий «Юг», так и в полосе группы армий «Центр» она имела характерный для немецкого военного планирования вид «Канн», глубокого охвата флангов.

Общая задача была детализирована для немецких войск на московском направлении следующим образом:

«Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий. Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее и раздробить силы противника в Белоруссии».

После разгрома советских войск в Белоруссии предполагалось силами центральной группы нанести удар в северном направлении:

«Таким образом, будут созданы предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север, с тем чтобы во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операции по взятию Москвы – важного центра коммуникаций и военной промышленности».

⁸ Генерал-майор Ханс фон Грейфенберг – будущий начальник штаба группы армий «Центр».

⁹ Генерал пехоты Георг фон Зондерштерн – будущий начальник штаба группы армий «Юг».

¹⁰ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. М.: Наука, т.2, С.84

¹¹ Прозектор Д.М.. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй Мировой войне 1939-1945. – М. Наука. 1972 г., С.252 со ссылкой на W.Warlimont Im Hauptquartier der deutschen Wehrmacht 1939-1945. Frankfurt a/M., 1962, S.152

¹² 1941 г. Документы, С.452.

Захват Ленинграда и Кронштадта означал как безопасность морских перевозок по Балтике, так и высвобождения сил для нанесения удара на Москву. На всякий случай необходимо отметить, что поворот на юг в тыл советским войскам на Украине в Директиве №21 не предполагался даже в виде одного из возможных вариантов.

Завершалась Директива №21 словами: «Я ожидаю от господ главнокомандующих устных докладов об их дальнейших намерениях, основанных на настоящей директиве. О намеченных подготовительных мероприятиях всех видов вооруженных сил и о ходе их выполнения докладывать мне через Верховное главнокомандование вооруженных сил (ОКВ)». Т.е. командующим группами армий сформулировали их задачи в общем виде и предлагали им разрабатывать свои детализированные предложения по ведению операций. В течение января 1941 г. был проведен ряд игр на картах и сформулированы идеи, на которых должны были базироваться действия немецких войск на каждом из операционных направлений. Итог всей этой работе был подведен на совещании, состоявшемся в Берлине 31 января 1941 г. На этом совещании Фельдмаршал фон Браухич информировал командующих группами армий, что германский план базируется на предположении, что Красная армия даст сражение к западу от линии Западной Двины и Днепра.

Относительно последнего замечания фон Бок скептически отметил в своем дневнике: «Когда я спросил Гальдера, есть ли у него точная информация относительно того, что русские будут удерживать территорию перед упомянутыми реками, он немного подумал и произнес: «Такое вполне может быть»». Таким образом, германское планирование с самого начала исходило из некоего предположения, основанного на общих рассуждениях. Действия противника т.е. Красной армии, могли отличаться от предполагаемых германским высшим командованием. Причем это могло быть обусловлено как объективными причинами, так и субъективными.

По итогам совещания на свет появился документ, озаглавленный «Директива по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск (операция "Барбаросса")» от 31 января 1941 г.. В ней общая задача группы армий «Центр» была сформулирована следующим образом:

«Севернее Припятских болот наступает группа армий "Центр" под командованием генерал-фельдмаршала фон Бока. Вводя в бой мощные танковые соединения, она осуществляет прорыв из района Варшавы и Сувалок в направлении Смоленска; поворачивает затем танковые войска на север и уничтожает совместно с группой армий "Север", наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, советские войска, находящиеся в Прибалтике»¹³.

Также готовящаяся операция приобрела более четкие контуры с распределением задач между объединениями, выделенными каждой из групп армий. Задача группы армий в центральном секторе звучала следующим образом:

«б) Группа армий «Центр», сосредоточив свои главные силы на флангах, раскалывает вражеские силы в Белоруссии. Подвижные соединения, наступающие южнее и севернее Минска, своевременно соединяются в районе Смоленска и таким образом создают предпосылки для взаимодействия крупных сил подвижных войск с войсками группы армий «Север» с целью уничтожения сил противника, находящихся в Прибалтике и в районе Ленинграда.

В рамках этой задачи, по указаниям командования группы армий «Центр», танковые группы и армии выполняют следующие задачи.

2-я танковая группа, взаимодействуя с 4-й армией, прорывает вражеские пограничные укрепления в районе Кобрин и севернее и, быстро продвигаясь на Слуцк и Минск, во взаимодействии с 3-й танковой группой, наступающей в районе севернее Минска, создает предпосылки для уничтожения войск противника, находящихся между Белостоком и Минском. Ее

¹³ 1941 год. Документы. С.576.

дальнейшая задача в тесном взаимодействии с 3-й танковой группой как можно скорее захватить местность в районе Смоленска и южнее его, воспрепятствовать сосредоточению сил противника в верхнем течении Днепра, сохранив тем самым группе армий «Центр» свободу действий для выполнения последующих задач.

3-я танковая группа во взаимодействии с 9-й армией прорывает вражеские пограничные укрепления севернее Гродно, стремительно продвигается в район севернее Минска и во взаимодействии с наступающей с юго-запада на Минск 2-й танковой группой создает предпосылки для уничтожения сил противника, находящихся между Белостоком и Минском. Последующая задача 3-й танковой группы: тесно взаимодействуя со 2-й танковой группой, ускоренными темпами достигнуть района Витебска и севернее, воспрепятствовать сосредоточению сил противника в районе верхнего течения Двины, обеспечив тем самым группе армий свободу действий в выполнении последующих задач.

4-я армия, нанося главный удар по обе стороны Брест-Литовска, форсирует р. Буг и тем самым открывает дорогу на Минск 2-й танковой группе. Основными силами развивает наступление через р. Шара у Слонима и южнее, используя успех танковых групп, во взаимодействии с 9-й армией уничтожает войска противника, находящиеся между Белостоком и Минском. В дальнейшем эта армия следует за 2-й танковой группой, прикрывая свой левый фланг со стороны Припятских болот, захватывает переправу через р. Березину между Бобруйском и Борисовом и форсирует р. Днепр у Могилева и севернее.

9-я армия во взаимодействии с 3-й танковой группой наносит главный удар северным крылом по группировке противника, расположенной западнее и севернее Гродно, используя успех танковых групп, стремительно продвигается в направлении Лиды, Вильнюса и уничтожает совместно с 4-й армией силы противника, находящиеся между Белостоком и Минском. В дальнейшем, следуя за 3-й танковой группой, выходит на р. Западная Двина у Полоцка и юго-восточнее его»¹⁴.

Как мы видим, рефреном в перечне задач группы армий «Центр» звучат слова «уничтожает войска противника», «уничтожает силы противника». Объектом действий немецких войск должна была стать Красная армия. Именно уничтожение ее в ряде последовательных операций, как считало германское командование, обеспечит в последующем решение задач политических и экономических.

Главным инструментом, предназначенным для достижения целей, поставленных планом «Барбаросса», должны были стать танковые группы. На тот момент они, безусловно, были вершиной развития организации танковых войск. Танки стали одним из главных действующих лиц на поле боя Второй Мировой войны. Однако характер их использования по сравнению с 1916–18 гг. существенно изменился. Характерные для того периода атаки танков совместно с пехотой остались, но они были лишь одним из способов применения бронетехники. Большим шагом вперед стало создание самостоятельных механизированных соединений – танковых и моторизованных дивизий. Немцы длительное время опережали своих противников в создании и применении этого средства борьбы. Согласно «Директивам по вождению танковой дивизии» 1940 г. указывалось «Бронетанковая дивизия действует, как правило, в составе бронетанкового корпуса». Немецкий танковый, точнее моторизованный корпус образца июня 1941 г. состоял из одной-двух танковых и двух или одной моторизованной дивизии. Иногда ему придавались пехотные дивизии. Танковые группы в том виде, в котором они существовали к началу войны с СССР, являлись промежуточной инстанцией между моторизованным корпусом и армией. В танковую группу входило два-три моторизованных корпуса, иногда ей придавались пехотные армейские корпуса. Промежуточное положение между корпусом и армией позволяло подчи-

¹⁴ Дашичев В.И. «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М.: Наука, 1967, С.162-163.

нять танковые группы полевым армиям, хотя танковые командиры относились к этому без восторга. Часто группы армий брали управление танковой группой на себя. Следующим шагом стали танковые армии осенью 1941 г., но это уже совсем другая история.

При численности танковой группы от 130 до 200 тыс. человек и полной механизации и моторизации ее основных соединений, она могла использоваться для прорывов на большую глубину. Такая масса людей и техники обладала достаточной самостоятельностью для действий в отрыве от основных сил группы армий. Командованию даже приходилось одергивать командующих танковыми группами. Так ещё на этапе планирования кампании командующий 3-й танковой группой Герман Гот вызвал неудовольствие фон Бока. 18 марта 1941 г. фон Бок записывает в своем дневнике:

«Подключение к первой фазе наступления 3-ей танковой группы представляет известные сложности. Гот забегает вперед, изначально устремляя свой взгляд на позиции русских за Двиной и Днестром, и уделяет недостаточно внимания сражениям, которые могут развернуться на подступах к этим водным рубежам. Армейское командование однако считает, что первейшей задачей бронетанковых групп является оказание помощи полевым войскам в разгроме русских армий, дислоцирующихся на границе. И хотя я во многом солидарен с Готом, мне придется поубавить ему прыти. Но он свои позиции без борьбы не уступит. По этой причине я отрядил Трескова в Берлин, чтобы он там выяснил, насколько твердо армейское командование в своих намерениях».

Два «гения блицкрига»: командир истребительной эскадры JG51 Вернер Мельдерс (слева) и командующий 2-й танковой группой Гейнц Гудериан обсуждают взаимодействие танков и авиации.

Действительно, фон Бок весьма скептически относился к предположению верховного командования вермахта о готовности Красной армии дать бой к западу от Днепра и Западной Двины. Вместе с тем он осознавал, что сведение крупных механизированных соединений в танковую группу не означает ее отрыва от задач полевых армий. Германское военное руководство предпочитало держать танки преимущественно в самостоятельных соединениях. Но это был лишь инструмент для решения задач полевыми армиями. Поэтому достаточно часто танковые группы подчинялись тому или иному армейскому управлению, и лишь иногда – непосредственно группе армий.

Но само наличие в руках командующего танковой группой такого мощного объединения будило амбиции и заставляло смотреть далеко вперед. Гот здесь не был исключением. Бывший командующий 1-й танковой группой Эвальд фон Клейст, уже в советском плену, охарактеризовал свойства этого объединения любопытным и даже где-то поэтическим сравнением: «Танковую группу, как средство оперативного управления армейской группировкой, можно

сравнить с охотничьим соколом, который парит над всем оперативным районом армейской группировки¹⁵, наблюдает за участком боя всех армий и стремительно бросается туда, где уже одно его появление решает исход боя»¹⁶.

Обладая столь мощным инструментом ведения войны, еще на этапе планирования операции германские штабисты не стеснялись называть в приказах города и реки довольно далеко от границы. К тому же в отличие от групп армий «Север» и «Юг» группа армий на центральном участке советско-германского фронта получила не одну, а две танковых группы. Это были 2-я танковая группа Гейнца Гудериана и 3-я танковая группа Германа Гота. Задачи 2-й танковой группы формулировались следующим образом:

«...прорвать пограничные укрепления с обеих сторон от Бреста и наступать вдоль шоссе 1 и 2 на Слуцк и Минск, далее в район Смоленска, чтобы предотвратить сосредоточение войск противника, уничтожить вражеские силы по эту сторону Днепра и открыть дорогу к столице противника – Москве...

Первой задачей группы является уничтожение находящихся в районе Белостока и Волковыска вражеских сил быстрым ударом на Минск во взаимодействии с наступающей через Олиту и Вильну в район севернее Минска 3-й танковой группой, чтобы затем без остановки захватить район Смоленска»

Задачи танковой группы Гота были симметричны поставленным его коллеге Гудериану. Звучали они следующим образом:

«3-я танковая группа, сначала подчиненная командованию 9-й армии, затем идущая перед левым крылом группы армий, наступает западнее Немана на Меркине, Олиту и Приени и захватывает там переправы. Не дожидаясь подхода следующих за ней дивизий, танковая группа атакует предполагаемые в районе Вильны силы противника и отрезает их от Минска. Имея цель обойти с севера группировку противника в районе Минска, танковая группа продвигается до линии Молодечно – Нарочь-озеро, готовая развернуться на восток в сторону Борисова, чтобы совместно с наступающей на Минск с юго-запада 2-й танковой группой уничтожить противника в районе Минска или продолжить опережающее преследование в направлении верхней Дюны на Витебск и севернее этого города...»

Роль и место механизированных соединений в прорыве обороны противника было предметом ожесточенных споров военных теоретиков и практиков по обе стороны фронта. Советская военная школа считала целесообразным ввод танковых дивизий (корпусов) в прорыв, который пробивает в построении противника пехота. Главным аргументом в пользу такого использования мехсоединений было сохранение их ударной силы для дальнейших действий в глубине обороны противника. Однако среди советских военачальников было немало тех, кто считал целесообразным вводить танки в бой за вторую полосу обороны. К таковым относился, например, И. С. Конев. Он часто вводил вверенные ему танковые армии не в чистый прорыв, а в бой. Конев считал, что, во-первых, так оборона противника будет прорвана быстрее, а, во-вторых, наступающему будет легче отражать танковые контратаки. Тема обсуждалась на декабрьском 1940 г. совещании командного состава РККА, однако единого мнения выработано не было. В ходе войны имели место оба варианта использования танковых армий и танковых (механизированных) корпусов.

Немецкая танковая школа исповедовала принцип ввода танков в бой уже за первую линию обороны. Именно такую стратегию исповедовали командиры группы армий «Центр». Танковые дивизии 2-й и 3-й танковых групп утром 22 июня имели собственную полосу наступления, они стояли в первом эшелоне плечом к плечу с пехотными соединениями. Вместе с

¹⁵ Вероятно неудачный перевод, скорее всего имеется в виду «группа армий». Прим. автора.

¹⁶ Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944-1951. М.: МФД, 2009, С.63.

тем имели прецеденты первоначального прорыва осуществляла пехота. Это имело место 22 июня в соседней 1-й танковой группе Э. фон Клейста. Форсирование Буга и захват плацдарм в полосах III и XXXXVIII моторизованных корпусов проводили пехотные дивизии и только в середине дня в бой вступали танковые дивизии.

Гудериан объяснял свою приверженность к вводу в бой, а не в прорыв следующим образом: «Генералы, не имевшие отношения к танковым войскам, придерживались мнения, что первый удар следует нанести пехотными дивизиями, проведя предварительно сильную артиллерийскую подготовку, а танки ввести в бой лишь после того, как вклинение достигнет известной глубины и наметится возможность прорыва. Напротив, генералы танкисты придавали большое значение использованию танков с самого начала в первом эшелоне, потому что именно в этом роде войск они видели ударную силу наступления. Они считали, что танки могут быстро осуществить глубокое вклинение, а затем немедленно развить первоначальный успех, используя свою скорость. Генералы сами видели результаты использования танков во втором эшелоне во Франции. В момент успеха дороги были запружены бесконечными, медленно движущимися гужевыми колоннами пехотных дивизий, которые препятствовали движению танков»¹⁷.

В этом Гудериана поддержал Гот. В своей книге «Танковые операции» он позднее выдвинул точно такие же аргументы, основываясь на том же опыте кампании во Франции: «конные обозы пехотных дивизий, несмотря на запрет, выезжали на дороги, отведенные для движения механизированный войск. В результате подходящие танковые дивизии именно в момент намечающегося успеха оказывались закрытыми на "своих" же дорогах обозами пехотных соединений»¹⁸.

Надо сказать, что в словах Гудериана, и Гота, несомненно, было рациональное зерно. От командования 1-й танковой группы Э. фон Клейста потребовались определенные усилия по проталкиванию танковых дивизий через взламывающий оборону на границе пехотный таран 22 июня 1941 г. Происходило именно то, что предсказывали командующие 2-й и 3-й танковыми группами – забивание дорог пехотой. При этом у Клейста в первый день наступления вводились всего две танковые дивизии, а у Гудериана и Гота предусматривалось одновременное наступление куда большего количества дивизий.

Гот, кроме того, выдвигал еще один аргумент против ввода его группы в прорыв. Он писал: «у 3-й танковой группы условия наступления были таковы, что пехотные дивизии ни при каких обстоятельствах не смогли бы преодолеть расстояние до переправ за один день, а это дало бы противнику время подготовить оборону за Неманом». Проще говоря, он считал, что танки из первого эшелона быстрее добегут до Немана, если не до взрыва мостов, то до организации обороны по рубежу этой реки.

Итак, плечом к плечу с Готом «быстрый Гейнц» энергично отразил все попытки вышестоящего командования склонить его к использованию танковых дивизий в качестве эшелоне развития успеха после пехотного прорыва. После этого Гудериан озабочился проблемой штурма Брестской крепости. Он вспоминал: «Танки смогли бы взять ее [Брестскую крепость] только внезапным ударом, что мы и попробовали сделать в 1939 г. Но в 1941 г. условий для этого уже не было. Поэтому я решил танковыми дивизиями форсировать Зап. Буг по обе стороны Брест-Литовска, а для наступления на крепость попросил подчинить мне пехотный корпус»¹⁹. Отсылка к опыту 1939 г. не случайна. По иронии судьбы подчиненным Гудериану войскам предстояло штурмовать Брестскую крепость во второй раз, первый раз был в ходе польской кампании.

¹⁷ Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1999, С.198-199.

¹⁸ Гот Г., Танковые операции. М.: Воениздат, 1961, С.59.

¹⁹ Там же, С.199.

Также командующий 2-й танковой группы еще на этапе планирования операции уделил особое внимание защите своего левого фланга. В мемуарах он объяснял это так: «левому флангу угрожала наибольшая опасность, так как в районе Белостока, по полученным сведениям, находилась сильная группировка русских; следовало предположить, что эта группировка, узнав об опасности, которая будет создана выходом в ее тыл наших танков, попытается избежать окружения, двигаясь по шоссе Волковыск, Слоним»²⁰.

Проблему прикрытия фланга предполагалось решать глубоким эшелонированием войск группы. Третий моторизованный корпус, находившийся в подчинении 2-й танковой группы, XXXXVI корпус генерала танковых войск барона фон Фитингофа, был выделен во второй эшелон. По мере развития наступления он должен был занять место позади левофлангового XXXXVII моторизованного корпуса Лемельзена. В целом нельзя не отметить достаточно хорошо продуманного построения танковой группы Гудериана. Тем более удивительно, что с началом боевых действий он начал собственноручно эту стройную систему перетряхивать, меняя свой первоначальный план до неузнаваемости.

Тем не менее, тактика и стратегия применения танковых войск фактически вырабатывались методом проб и ошибок. Германская военная школа в 1941 г. придерживалась мнения, что танки можно и нужно применять для борьбы с танками противника. В утвержденных ОКХ «Директивах по вождению танковой дивизии» 1940 г. указывалось: «Если танковая дивизия во время наступления наткнулась на танки противника, то борьба против танков становится основной задачей по сравнению с остальными». Т.е. немецкие танкисты с самого начала настраивались на танковые бои. Столкновение с новыми советскими танками вскоре охладит их пыл.

Помимо танковых групп важнейшим инструментом решения поставленных в «Барбароссе» задач должна была стать авиация. Согласно вышеупомянутой «Директиве по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск» от 31 января 1941 г. задачи Люфтваффе, германских военно-воздушных сил, формулировались следующим образом: «На первом этапе операции ВВС должны сосредоточить все свои усилия на борьбе с авиацией противника и на непосредственной поддержке сухопутных войск»²¹.

Авиация была одним из главных инструментов германского «блицкрига». Хотя изначально ВВС Третьего Рейха не нацеливались на плотное взаимодействие с сухопутными войсками, к 1941 г. именно это стало коньком Люфтваффе. Опыт войны в Испании показал действенность воздушной поддержки атак на земле. Для эффективной реализации этой стратегии требовалось расчистить небо на направлениях главных ударов.

Одним из методов борьбы с авиацией противника было ее уничтожение на аэродромах. Испания в этом отношении дала немцам бесценный опыт и стала своего рода полигоном для отработки тактики и стратегии такой борьбы. В ночь на 2 октября 1936 г. 2 принадлежавших франкистам бомбардировщика Ю-52 бомбили республиканский аэродром Хетафе. На нем выстроились в линию 9 самолетов, составлявшие основу республиканской авиации на мадридском направлении. Они были уничтожены одним ударом. В дальнейшем немцы непрерывно оттачивали в Испании тактику удара по аэродромам. Так на Северном фронте в 1936–37 гг., где активно действовал «Легион Кондор» из 62 потерянных республиканцами И-15 и И-16 около трети (18 машин) было уничтожено на аэродроме бомбардировкой противника.

Решение такой амбициозной задачи как уничтожение авиации на аэродромах требовало тщательной подготовки. Важнейшую роль в успехе, достигнутом в июне 1941 г. сыграла немецкая воздушная разведка, проводившаяся еще до начала войны. Эти полеты проводились так

²⁰ Гот Г. Указ. соч., С.200.

²¹ Дашичев В. И. «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М.: Наука, 1967, С.167.

называемой «командой Ровеля» (Kommando Rowehl), названной так по имени ее командира – полковника Тео Ровеля. Официально она называлась «разведывательная группа главнокомандования Люфтваффе» (Aufklärungsgruppe des Oberbefehlshabers der Luftwaffe, сокращенно Aufkl. St. (F)/Ob. d. L.). Команда Ровеля была создана еще в 1933–34 гг., когда Люфтваффе еще официально не существовало в природе. Первоначально она использовала для разведки гражданские авиалайнеры. Надо сказать, что подопечные Ровеля не были новичками в небе СССР. Группа уже вела разведку в небе Советского Союза в середине 1930-х. Еще с 1934 г. немцы летали над Кронштадтом и фотографировали корабли Балтийского флота. Более того, один из самолетов команды Ровеля был потерян из-за аварии в ходе полета над Крымом. Советское руководство тогда отделялось вялыми протестами по дипломатическим каналам. Можно даже сказать, что разведывательная деятельность Ровеля не прекращалась за исключением периода с сентября до декабря 1940 г., когда Гитлер запретил все полеты разведчиков над советской территорией. Фюрер считал, что преждевременная интенсификация разведки может спугнуть противника. Поэтому не следует думать, что в 1941 г. советское руководство внезапно впало в идиотизм. Деятельность немецких самолетов-разведчиков просто уже стала привычной.

Бомбардировщик Дорнье Do-17Z. Этих не самых новых машин было довольно много во 2-м воздушном флоте и особенно во VIII авиакорпусе.

Команда Ровеля возобновила работу над территорией СССР в первые месяцы 1941 г. К тому моменту в ее составе было четыре эскадрильи. Первая летала с аэродрома Краков в Польше, вторая – из района Бухареста в Румынии и третья – с аэродрома Хамина в Финляндии. Вопреки распространенному мнению, группа Ровеля не была поголовно вооружена высотными Ю-86Р. Первые три эскадрильи были вооружены преимущественно Дорнье-215, а также неко-

торым количеством Ю-88, Хе-111 и даже Ме-110. Высотные Ю-86Р попали в распоряжение команды Ровеля в 1940 г. и к 1941 г. были собраны в 4-й эскадрилье группы (пять Ю-86Р на апрель 1941 г.), известной также как «испытательный центр высотных полетов». Они летали с аэродромов в Бухаресте и Кракове. Всего командой Ровеля было выполнено свыше 500 полетов над территорией СССР. Вспоминает летчик-истребитель Клименко В.И. Рядом, в 100–125 км от Шауляя, проходила граница с Германией. Близость ее мы ощущали на своей шкуре. Во-первых, непрерывно шли военные учения Прибалтийского военного округа, во-вторых, на аэродроме дежурила в полной боевой готовности авиаэскадрилья или, в крайнем случае, звено истребителей. Встречались мы и с немецкими разведчиками, но приказа сбивать их у нас не было, и мы только сопровождали их до границы. Непонятно, зачем тогда поднимали нас в воздух, чтобы поздороваться что ли?!

Характерный профиль полета немецких разведчиков дает один из первых полетов группы Ровеля 6 января 1941 г. Самолет-разведчик пересек границу, углубился на 24 км и далее пролетел 161 км над советской территорией и вернулся обратно. Вглубь территории Советского Союза летали, конечно, только высотные самолеты. При отсутствии у СССР в 1941 г. сплошного поля обзора воздушного пространства радиолокаторами полеты на высотах свыше 10 тыс. метров были относительно безопасными. Но далеко не все полеты разведчиков проходили гладко. 15 апреля Ю-86Р, вылетевший из Кракова для фотографирования в район Житомира, был вынужден снизиться из-за неисправности двигателя. В районе Ровно самолет был сбит советским истребителем. Однако в общем случае сбить летящий на большой высоте Ю-86Р было непростой задачей. По крайней мере, другие известные на данный момент случаи перехвата высотных разведчиков были неудачными.

С середины апреля до середины июня 1941 г. полеты команды Ровеля осуществлялись с завидной систематичностью – по три вылета в день. Главной их задачей было обновление информации, собранной в аналогичных полетах весной 1940 г. 21 июня 1941 г. 4-я эскадрилья команды Ровеля вернулась на место своего постоянного базирования, на аэродром Берлин-Рангсдорф для продолжения разведки на Западе. Три остальные эскадрильи продолжили свою деятельность после начала войны. Результаты кропотливой работы «команды Ровеля» позволили немецкому командованию спланировать гигантскую по своим масштабам операцию по разгрому ВВС приграничных округов на аэродромах.

Для взаимодействия с группой армий «Центр» был выделен 2-й воздушный флот генерал-фельдмаршала А. Кессельринга. Основными его соединениями были II и VIII авиакорпуса. Правофланговые 4-ю армию и 2-ю танковую группу должен был поддерживать II авиакорпус, а VIII авиакорпус нацеливался на поддержку 9-й армии и 3-й танковой группы. Командовали авиакорпусами генералы Б. Лёрцер и В. фон Рихтгофен соответственно. Приоритетной задачей авиакорпусов была поддержка наступления танковых групп. Всего в составе двух авиакорпусов было 8 групп бомбардировщиков (299 самолетов), 8 групп пикирующих бомбардировщиков (293 самолета Ju87B/R), 9 групп истребителей (363 истребителя), 2 группы двухмоторных истребителей (60 Bf110C/D/E), две группы штурмовиков (38 Bf109E и 22 Hs123) и три эскадрильи дальних разведчиков (30 самолетов). Также 2-му воздушному флоту были приданы две группы транспортной авиации (60 самолетов) и 3 связных эскадрильи (30 самолетов). Армейская авиация была представлена 4 эскадрильями дальних разведчиков (40 самолетов), 11 эскадрильями ближних разведчиков (110 самолетов) и 3 связными эскадрильями (30 самолетов). Всего в составе 2-го воздушного флота с учетом разведчиков, транспортных самолетов и самолетов, предназначенных для взаимодействия с сухопутными войсками, было около 1600 машин. Развернутые данные о составе и базировании авиасоединений 2-го воздушного флота см. в Приложении.

Согласно данным о среднемесячной численности подчиненные группе армий «Центр» объединения в июне 1941 г. насчитывали:

3-я танковая группа – 130 657 человек;

9-я армия – 382 273 человек;

4-я армия – 490 989 человек;

2-я танковая группа – 181 752 человека.

Таким образом, численность группы армий «Центр» перед нападением на СССР приближалась к цифре в 1,2 млн. человек. Это было мощное объединение, способное решать самые сложные задачи. Численность 4-й армии Гюнтера фон Клюге вообще является своего рода рекордом для советско-германского фронта. Немногие армии на Восточном фронте впоследствии имели хотя бы сравнимую с ней численность. Она была самым настоящим монстром. Как, впрочем, и вся группа армий «Центр». И в прямом, и в переносном смысле.

Глава 2. Жертва: Западный особый.

Планы: а мы пойдем на Вислу...

Готовясь к войне будущей, неизбежно оглядываются на опыт войны предыдущей. Для России Первая Мировая война прошла в коалиции со странами Антанты и под знаком серьезных экономических и внутривойсковых трудностей. Во избежание экономических трудностей проводилась индустриализация. Среди мер по устранению угрозы внутривойсковой нестабильности можно назвать политические репрессии 1930-х годов. Впрочем, обсуждение этого вопроса выходит за рамки данного исследования. Более интересным является вопрос военного планирования СССР в последние предшествующие 22 июня 1941 г. месяцы. В ходе Первой Мировой войны неоднократно возникали трения между союзниками на почве выработки приемлемой коалиционной стратегии. Собственно опасения относительно возможности повторения негативного опыта привели к неудаче переговоров с военными делегациями Англии и Франции в августе 1939 г. СССР были нужны четкие планы и обязательства, у союзников их не было. В итоге маятник качнулся, и от союзников отказались вовсе. 23 августа 1939 г. был заключен вызывающий и поныне бурные дискуссии пакт Молотова-Риббентропа. Трудно судить, как складывались бы события в случае вступления СССР во Вторую Мировую войну в коалиции с Англией и Францией, но без четко оговоренных обязательств. Однако в реальности СССР летом 1940 г. оказался с Германией она континенте один на один. С одной стороны это развязывало руки в вопросах планирования, с другой – требовало большего наряда сил (второго сухопутного фронта у противника просто не было).

Генерал армии Д.Г.Павлов, командующий Западным особым военным округом.

Основные усилия планирования в тот период сосредотачивались на так называемой первой операции. При этом планирование исходило из того, что формальное начало войны не совпадет по времени с вводом сторонами главных сил своих войск. Соответственно между переходом двух стран в состояние войны и началом первой операции будет период мобилизации, сосредоточения и развертывания войск. На границе при этом будут идти бои той или иной степени интенсивности, также обмен авиаударами. Первая операция должна была начаться только через две недели после перехода в состояние войны. Поэтому не следует удивляться тому, что наряд сил для действий по известным нам сегодня советским планам первой операции никак

не совпадает с реально численностью войск в армиях с теми же номерами, стоявшими на границе утром 22 июня 1941 г.

Разработчиком документов советского военного планирования являлся начальник Генерального штаба Красной Армии. Соответственно руководителями оперативных разработок были последовательно Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников (до августа 1940 г.), затем – генерал армии К. А. Мерецков (до февраля 1941 г.), а в последующем – генерал армии Г. К. Жуков. Непосредственными исполнителями были генерал-майор А. М. Василевский (северное, северо-западное и западное направление), генерал-майор А. Ф. Анисов (юго-западное и южное направления), а также генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин.

Заголовок у советских военных планов 1940 г. был «Соображения об основах стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза». Результат размышления Б. М. Шапошникова над новым профилем границы был отражен в документе, датированном 19 августа 1940 г. По мнению Бориса Михайловича, следовало построить планирование вокруг следующих тезисов: «Считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья р. Сан, необходимо и главные силы Красной Армии иметь развернутыми к северу от Полесья. На Юге – активной обороной должны быть прикрыты Западная Украина и Бессарабия и скована возможно большая часть германской армии. Основной задачей наших войск является – нанесение поражения германским силам, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии и в районе Варшавы: вспомогательным ударом нанести поражение группировке противника в районе Ивангород. Люблин, Грубешов. Томашев»²². Фактически основной идеей плана является воспроизведение действий русской армии 1914 года, штурм цитадели Восточной Пруссии ударами с северо-запада и в обход Мазурских озер.

Однако руководство Генерального штаба меняется, и соответствующие изменения претерпевают советские военные планы. Новый начальник Генштаба К. А. Мерецков к тому моменту уже имел неоднозначный опыт штурма «Линии Маннергейма» зимой 1939–1940 г. Соответственно перспектива взламывать куда более совершенные укрепления немцев в Восточной Пруссии его явно не прельщала. Ось советского военного планирования стала смещаться на юг. Следующий вариант плана появляется 18 сентября 1940 г. Основные задачи войск обрисованы в нем следующими словами: «Главные силы Красной Армии на Западе, в зависимости от обстановки, могут быть развернуты или к югу от Брест-Литовска с тем, чтобы мощным ударом в направлениях Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислав) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовска, с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней»²³.

Что характерно, первым в документе излагался вариант с развертыванием главных сил Красной армии к югу от Брест-Литовская т.е. на Украине. По этому варианту главный удар наносился Юго-Западный фронтом. Однако Западный фронт не должен был сидеть сложа руки. Его задачами было сковывание противника и содействие войскам на направлении главного удара. Сформулированы они были следующим образом:

«прочно прикрывая Минское направление, по сосредоточении войск, одновременным ударом с Северо-Западным фронтом, в общем направлении на Аленштейн, сковать немецкие силы, сосредоточивающиеся в Восточной Пруссии. С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление, ударом левофланговой армии в общем направлении на Ивангород, способ-

²² 1941 г. Документы, Т.2, С. 185.

²³ 1941 г. Документы, Т 1, С. 241

ствовать Юго-Западному фронту разбить Люблинскую группировку противника и, развивая в дальнейшем операцию на Радом, обеспечивать действия Юго-Западного фронта с севера»²⁴.

По этому варианту в составе Западного фронта предполагалось иметь: 35 стрелковых, 3 танковых, 1 мотострелковую, 3 кавалерийских дивизии; 4 танковых бригады и 39 полков авиации. Эти силы распределялись между четырьмя армейскими управлениями: 3 А (5 сд, 1 тбр), 10 А (10 сд, 1 тд, 3 кд, 1 тбр), 13 А (5 сд) и 4 А (12 сд, 2 тд, 1 мд, 2 тбр), а еще 3 сд оставалось в резерве фронтового командования.

Второй вариант предусматривал сосредоточение главных сил Красной армии к северу от Брест-Литовска. Это был так называемый «северный» вариант развертывания. Главными игроками по этому варианту становились Северо-Западный и Западный фронты. Соответственно Западный фронт получал более амбициозную и сложную задачу, нежели предполагавшаяся по предыдущему варианту. Фронту предписывалось: «ударом севернее р. Буг, в общем направлении на Аленштейн, совместно с армиями Северо-Западного фронта, нанести решительное поражение германским армиям, сосредоточивающимся на территории Восточной Пруссии, овладеть последней и выйти на нижнее течение р. Висла. Одновременно, ударом левофланговой армии, в общем направлении на Ивангород, совместно с армиями Юго-Западного фронта, нанести поражение Ивангородско-Люблинской группировке противника и также выйти на р. Висла».

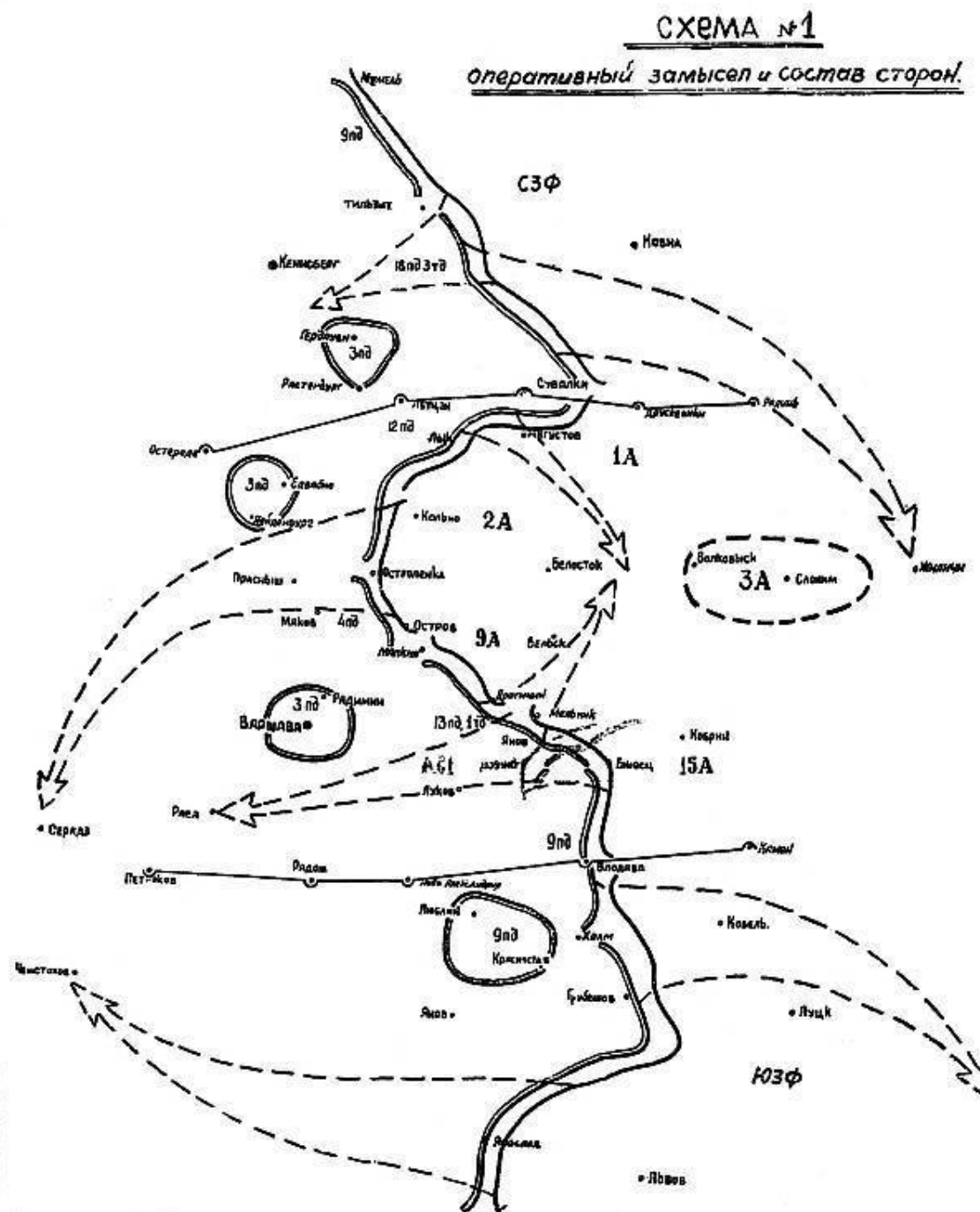
Наряд сил сообразно более сложной задаче увеличивался. Всего в составе Западного фронта предполагалось иметь: 41 стрелковую, 2 моторизованных, 5 танковых, 3 кавалерийских дивизии, 4 танковых бригады и 70 полков авиации. Армейские управления оставались те же – 3, 10, 13 и 4 армии. Отметим существенное наращивание сил авиации фронта в этом варианте. Количество авиаполков в «северном» варианте развертывания возрастает едва ли не вдвое, в то время как количество стрелковых дивизий увеличивается всего на 20 %.

Помимо этого в районе Двинск, Полоцк, Минск за Северо-Западным и Западным фронтами предполагалось сосредоточить дополнительно достаточно многочисленный резерв Главного Командования. Он должен был состоять из 14 стрелковых дивизий, 4 корпусных управлений и 1 армейского управления (из Орловского округа). По первому («южному») варианту развертывания такого сильного резерва в тылу наносящего главный удар фронта (тогда им был ЮЗФ) не предусматривалось. Резерв этот предназначался «для развития удара, или для контр-удара против наступающего противника».

Главным преимуществом «северного» варианта была быстрота развертывания. По плану предполагалось, что сосредоточение армий закончится уже на 20 день от начала мобилизации. Только дивизии резерва фронта и Главного Командования сосредоточивались уже в первые дни операции. Связано это было с лучшим развитием дорожной сети в полосе двух фронтов к северу от Брест-Литовска. Соответственно сосредоточение по «южному» варианту развертывания могло быть закончено лишь на 30 день от начала мобилизации. Составителям плана пришлось констатировать: «Столь поздние сроки развертывания армий Юго-Западного фронта и являются единственным, но серьезным недостатком данного варианта развертывания».

Однако у «северного» сохранялся тот же недостаток, который заставил Мерецкова искать альтернативы плану Шапошникова. Штурм Восточной Пруссии отнюдь не гарантировал быструю и главное, эффектную победу. Поэтому уже в самом тексте плана содержалась следующая сентенция: «возникают опасения, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям, свяжет наши главные силы и не даст нужного и быстрого эффекта, что в свою очередь сделает неизбежным и ускорит вступление Балканских стран в войну против нас».

²⁴ 1941 г. Документы, Т 1, С. 242.

Карта к мартовской игре 1941 г., показывающая направления ударов войск сторон.

Фактически советское военное руководство оказывалось между Сциллой и Харибдой. В одном случае была опасность увязнуть в боях за укрепления, в другом – опоздать с развертыванием и начать первую операцию войны в худших условиях. Если противник упреждал Красную армию в развертывании и сосредоточении, то под вопрос могла быть поставлена сама возможность реализации плана первой операции. В итоге во вводной части «Соображений...» сентября 1940 г. было предложено соломоново решение. Предполагалось, что окончательный выбор между «северным» и «южным» вариантами будет зависеть от «политической обстановки, которая сложится к началу войны».

Однако новые кадровые перестановки в высших эшелонах власти вскоре непосредственно повлияли на военное планирование. Во-первых, по итогам Финской войны новым нар-

комом обороны стал С. К. Тимошенко, ранее командовавший Киевским округом. Во-вторых, бывший начальник штаба Киевского округа Н. Ф. Ватутин стал начальником Оперативного управления Генерального штаба Красной армии. Наконец, в феврале 1941 г. пост начальника Генерального штаба КА занял Г. К. Жуков, до этого полгода командовавший тем же Киевским округом. Конечно, Жуков долгое время служил в Белорусском округе, но это было еще до смещения линии границы на запад. В итоге в конце 1940 г. и начале 1941 г. был окончательно сделан вывод в пользу «южного» варианта развертывания. Этому способствовали как его объективные достоинства, так и субъективные факторы – быстрое продвижение командиров из КОВО на вершину иерархии РККА.

В апреле 1941 г. в адрес командующего Западного особого военного округа Д. Г. Павлова была отправлена директива за подписями наркома обороны С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Г. К. Жукова. В ней окончательно закреплялась подчиненная роль Западного фронта в первой операции войны. Об этом говорила даже вводная фраза, поясняющая задачу войск Павлова – «С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление». Ранее формулировка была другая – «по сосредоточении войск». Т.е. фронт лишался самостоятельности в выборе момента перехода в наступление. Сама задача была выдержана в том же духе: «ударом левого крыла фронта в общем направлении на Седлец, Радом способствовать Юго-Западному фронту разбить Люблин-Радомскую группировку противника. Ближайшая задача фронта – овладеть районом Седлец, Луков и захватить переправы через р. Висла; в дальнейшем иметь в виду действия на Радом с целью полного окружения Люблинской группировки противника, во взаимодействии с Юго-Западным фронтом»²⁵. Соседний фронт упоминался едва ли не в каждой фразе: «способствовать», «во взаимодействии».

Впрочем, Западный фронт все же получил самостоятельную задачу локального характера: «Для обеспечения главного удара фронта нанести вспомогательный удар в направлении Варшавы, с задачей захватить Варшаву и вынести оборону на р. Нарев».

Для проведения первой операции фронту выделялось 38 стрелковых дивизий, 10 танковых дивизий, 5 моторизованных дивизий, 2 кавалерийские дивизии и 35 полков авиации. Как мы видим, наряд сил авиации был урезан по сравнению с предыдущим вариантом, однако несколько увеличилось число стрелковых дивизий. Изменения в числе подвижных соединений были связаны с реорганизацией танковых войск. Выделенные для операции соединения по-прежнему распределялись между четырьмя армейскими управлениями: 3 А (6 сд), 10 А (7 сд), 13 А (10 сд, 4 тд, 2 мд) и 4 А (12 сд, 6 тд, 3 мд, 2 кд).

Последние известные нам изменения были внесены в советский план первой операции «Соображениями...» от 15 мая 1941 г.

Наряд сил в сравнении с апрельской директивой заметно изменился, теперь для выполнения поставленных планом задач Западнему фронту выделялись 31 стрелковая, 8 танковых, 4 моторизованных и 2 кавалерийских дивизий, а всего – 45 дивизий. Количество выделенных фронту стрелковых дивизий проседает до 31 штуки. Наряд сил авиации был также уменьшен до 21 полка. Для сравнения: Юго-Западному фронту по тем же «Соображениям...» от 15 мая выделялся 91 полк авиации и 122 дивизии.

Задача фронта была откорректированной версией апрельской директивы:

«с переходом армий Юго-Западного фронта в наступление, ударом левого крыла фронта в направлениях на <Варшаву>, Седлец, Радом, <разбить Варшавскую группировку и овладеть Варшавой> [способствовать] <во взаимодействии с> Юго-Западным фронтом разбить Люблинско-Радомскую группировку противника, <выйти на р. Висла и подвижными частями овладеть Радом> [и обеспечить эту операцию со стороны Варшавы и Восточной Пруссии]»²⁶.

²⁵ 1941 г. Документы, Т.2, С. 134.

²⁶ 1941 год. Документы. Т.2., С.218. Дополнения в тексте взяты в угловые скобки. Вычеркнутая часть текста взята в прямые

По майским «Соображениям...» Западный фронт окончательно превратился в мальчика на побегушках для раздувшегося до размеров борца сумо соседа – Юго-Западного фронта. Если ранее формулировка была «иметь в виду действия на Радом», то в новой редакции город Радом уже нужно брать подвижными частями. Однако в любом случае этот вариант оказался не подписан, хотя и остался свидетельством тенденций в развитии советских военных планов. По иронии судьбы создателям планов вскоре придется импровизировать и радикально менять распределение сил между Западным и Юго-Западным фронтами.

При обсуждении материалов советского военного планирования часто возникает вопрос о наступательном характере планов первой операции. Из этого факта иногда делается поспешный вывод об агрессивном характере советского планирования и даже внешнеполитического курса. Однако в действительности у этого есть достаточно простое объяснение сугубо военного характера. Оборонительный план первой операции в общем случае дело бессмысленное. Мы не знаем реальных планов и направлений главных ударов противника. Если во время войны здесь как-то может помочь разведка, выявляющая группировку противника (с постоянными ошибками и просчетами, заметим), то в период подготовки первой операции группировка складывается «на ходу». Соответственно создавать адекватное ей оборонительное построение собственных войск затруднительно. Целесообразнее иметь наступательный план и пытаться навязать противнику свою волю.

Люди, которые играют в игры.

Одним из важных этапов подготовки армии к войне являются штабные игры на картах. Штабы германских армий, танковых групп и групп армий в феврале-марте провели игры, на которых отрабатывались подготовленные зимой планы операций против СССР. Что же происходило по другую сторону границы? Повествование о предвоенных штабных играх в Западном особом военном округе целесообразно начать с осени 1940 г., когда окончательно сформировалась так называемая «новая граница». Согласно рассекреченным на данный момент документам первая из игр в этот период проводилась 14–18 сентября 1940 г. Официально она именовалась «опытным учением войск с обозначенным противником». Бывший начальник штаба 4-й армии Л. М. Сандалов описал ее следующим образом:

«Осенью 1940 года по разработке и под руководством Генерального штаба в Белоруссии проводилась большая штабная военная игра на местности со средствами связи. На игру привлекались управление военного округа (в роли фронтового управления) и армейские управления. По исходной обстановке противник сосредоточил против войск Западного фронта значительно превосходящие силы и перешел в решительное наступление. 3, 10 и 4-я армии Западного фронта, прикрывая сосредоточение и развертывание главных сил фронта, с тяжелыми боями отходили от рубежа к рубежу, проводя механизированными соединениями короткие контрудары с ограниченными целями, чтобы дать возможность войскам оборонительный рубеж или ликвидировать угрозу окружения. Отход продолжался примерно до рубежа Слоним, Пинск, с которого прикрывающие армии совместно с подошедшими и развернувшимися свежими армиями перешли в контрнаступление, нанесли противнику поражение, отбросили его к границе и создали условия для следующего этапа наступательной операции.

Как видно из изложенного, обстановка на учении создавалась весьма близкой к условиям начала войны с Германией, но, к сожалению, эта военная игра имела крупный недостаток. Основное внимание на ней обращалось не на организацию отражения наступления противника, а на проведение контрнаступления»²⁷.

Однако описание учения Сандаловым никак не стыкуется с документами по игре 14–18 сентября 1940 г. Возможно, была еще какая-то игра, проводившаяся в ЗапОВО осенью 1940 г. В сентябрьской игре первая директива штаба Запфронта от 20.00 13.9.40 г. дает следующую вводную по общей обстановке: «Противник силою до двадцати пяти ПД, перешел к обороне на заранее подготовленный рубеж: кан. Августово, Кнышен, зап. берег рр. Нарев, Орлянка и Бяла...»²⁸.

Соответственно задача войск Запфронта формулировалась так: «Зап. фронт (4, 17, 13 АА) с утра 16.9.1940 г. переходит в общее наступление, нанося главный удар общим направлением Бельск, Остроленко и к исходу 20.9 выходит на меридиан Остров. [В] дальнейшем, развивая наступление [в] направлении Цеханов, выходит на вост. берег р. Висла»²⁹.

Так что по крайней мере в документах Генштаба отыгрыш оборонительной фазы сражения в игре отсутствует. Некоторые сомнения вносит только номер вышепротитированной директивы – № 05/оп. Раз номер пятый, значит, теоретически, могли быть директивы с номерами с первого по четвертый. Однако такой номер мог быть присвоен первой реально выпущенной директиве чисто условно, было понятно, что по сценарию игры война уже идее и присваивать директиве первый номер бессмысленно. Одним словом «отражение наступления» и

²⁷ Сандалов Л.М. Первые дни войны. Боевые действия 4-й армии 22 июня – 10 июля 1941 г. М.: Воениздат, 1989, С.40–41.

²⁸ ЦАМО РФ, ф.28, оп.11627, д.27, л.2.

²⁹ ЦАМО РФ, ф.28, оп.11627, д.27, л.2.

начальный период войны вообще, вопреки утверждениям Сандалова, скорее всего, вообще не рассматривалось.

По сценарию учения одна из трех армий фронта должна была ввести в прорыв механизированный и кавалерийский корпус. Мехкорпус с условным 16-м номером должен был наступать в направлении Остроленка, Нейденбург т.е. прорываться с «макушки» белостокского выступа в Восточную Пруссию. Такая задача вполне созвучна сентябрьским 1940 г. «Соображениям...», в которых, например, указывалось: «Западный фронт – основная задача – ударом севернее р. Буг, в общем направлении на Алленштейн, совместно с армиями Северо-Западного фронта, нанести решительное поражение германским войскам, сосредоточивающимся на территории Восточной Пруссии, овладеть последней и выйти на нижнее течение р. Висла». Город Нейденбург находится к юго-западу от Алленштейна т.е. учебное направление наступления мехкорпуса в целом соответствовало назначенному по реальным оперативным планам.

Интересной деталью директивы на наступления в учениях было плановое подчинение механизированному корпусу после ввода в прорыв двух авиадивизий. Эта идея витала в воздухе, позднее на совещании комсостава в декабре 1940 г. командир 4-го мехкорпуса Потапов предлагал создать воздушно-механизированное объединение. Вообще учение сентября 1940 г. было весьма разносторонним. В частности к нему привлекалась даже авиадесантная бригада. В вышеупомянутой директиве Запфронта ей приказывалось «быть готовой к высадке» с задачей «не допустить подход резервов противника на тыловую оборонительную полосу до подхода МК». Нельзя также не отметить одну из задач ВВС по сценарию учения: «разгромить авиацию противника на аэродромах». Остальные задачи были более традиционными – «прикрыть сосредоточение» и «воспрепятствовать перевозкам».

Еще одна оперативная игра состоялась весной 1941 г. С ней читатель уже успел познакомиться во «Введении» этой книги. Относительно подробностей этой игры Сандалов даже не стал распространяться, ограничившись одной фразой:

«В марте—апреле 1941 года штаб 4-й армии участвовал в окружной оперативной игре на картах в Минске. Прорабатывалась фронтовая наступательная операция с территории Западной Белоруссии в направлении Белосток, Варшава»³⁰.

³⁰ Сандалов Л.М. Первые дни войны. Боевые действия 4-й армии 22 июня – 10 июля 1941 г. М.: Воениздат, 1989, С.41.

Тракторы СТЗ-5 с гаубицами М-30 и М-10 на буксире на параде на Красной площади. Для механизированных соединений эти тягачи уже не годились.

В свете жесткого табу на материалы предвоенного планирования, характерного для советского времени, эти слова Сандалова выглядят своего рода откровением. Однако в данном случае бывший начальник штаба 4-й армии достаточно точно сформулировать суть проведенного учения. Согласно имеющимся на материалах игры утверждающих пометкам сценарий для нее был проработан в начале февраля 1941 г. Проводилась игра с 15 по 21 марта 1941 г. в Минске. На неё были привлечены: штаб округа, окружные управления, штаб ВВС округа, штабы 3, 4 и 10-й армий и штаб Пинской флотилии. Кроме того, в качестве армейских управлений были привлечены штаб 5-го стрелкового корпуса и отдел боевой подготовки штаба округа. За штабы ВВС армий играли штабы авиадивизий. Также к игре был привлечен штаб 3-го авиакорпуса дальней авиации.

Вводная к игре была сформулирована следующим образом:

«В результате встречных сражений войска Западного фронта «восточных» отразили наступление «западных» и, перейдя сосредоточенными силами в контрнаступление, по разгроме противостоящей группировки противника, к исходу 15.3 вышли на рубеж р. Писса, р. Нарев, р. Буг»³¹.

Таким образом, сценарий событий, предшествующих отыгрываемым, был описан вполне однозначно. Согласно замыслу начальный период войны прошел для советской стороны более-менее удачно. Соответственно по сосредоточении войск из глубины страны было проведено успешное контрнаступление. Налицо сдержанный оптимизм относительно возможных вариантов развития событий. Советское руководство не питало иллюзий относительно темпов развертывания и мобилизации Красной армии однако считало, что даже при некотором упреждении в развертывании удастся избежать крупных катастроф. Шапкозакладательских настроений с расчетом на удержание линии границы мы в задании на игру не наблюдаем. Также нельзя не

³¹ ЦАМО РФ, ф.28, оп.11627, д.33, л.3.

отметить, что во вводной на игру указывались потери соединений в предыдущих боях, иногда довольно высокие.

Одновременно в задании обнаруживается целый ряд, прямо скажем, странных допущений. Во-первых, в нём сказано: «Главные силы «западных» сконцентрированы против ЮЗФ и наносят удар в общем направлении Люблин, Луцк, Шепетовка». Возможно это следствие некоторых метаний относительно возможных планов противника. В сентябрьских 1940 г. «Соображениях...» было ясно сказано, что главный удар противника ожидается «из Восточной Пруссии через Литовскую ССР». В апрельской 1941 г. директиве Павлову, напомним, звучала другая версия: «Развертывание главных сил немецкой армии наиболее вероятно на юго-востоке, с тем чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину».

Вторым странным утверждением было следующее: «Механизированные соединения «западных» сосредоточены, главным образом, против ЮЗФ и СЗФ, где противник применял тяжелые пушечные танки. На направлении Аугустув и Седлец противник применял только средние и легкие танки старых образцов». Такая вводная существенно облегчала задачу войск Западного фронта – опасных контрударов мехсоединений противника должно было быть меньше. В какой-то мере такое допущение о распределении мотомеханизированных сил противника соответствовало предыдущему тезису о главном ударе на Украине. По плану игры против ЮЗФ действовали 70–80 пехотных и 5–6 танковых дивизий, против СЗФ – 27 пехотных и 3 танковых дивизии, а против ЗФ на первом этапе – 36 пехотных и 2 танковых дивизии. В скобках отметим, что для нападения на СССР по плану «Барбаросса» было выделено вдвое больше танковых дивизий. Более того, по плану Генштаба КА о стратегическом развертывании вооруженных сил Советского Союза от 11 марта 1941 г. предполагалось, что Германия развернет против СССР 20 танковых и 15 моторизованных дивизий. Таким образом, изначально в игру был заложен некоторый элемент «поддавки».

Численность авиации «западных» по плану игры составляла 2611 самолетов, «восточных» – 5 657 самолетов. Вновь, как и на осенней игре всплыла тема ударов по аэродромам. Во-первых, эту стратегию приписывали противнику. Вводная о воздушной обстановке гласила: «ВВС «западных» в период 12–15.3 активно действовали по войскам, жел.-дорожным узлам и аэродромам». Во-вторых, на тех же действиях строилась стратегия противоположной стороны т.е. фактически ВВС Красной армии. По той же вводной «ВВС «восточных» в период 13–15.3 продолжали борьбу за превосходство в воздухе, прикрывали ударную группировку 2 А, взаимодействовали с наземными войсками по уничтожению отходящих войск противника, прекращали жел.-дор. перевозки, уничтожали авиацию противника на ее аэродромах и не допускали подхода резервов противника к фронту по грунтовым дорогам»³². Таким образом, перед нами весь спектр возможных задач, включая удары по аэродромам.

Общая оперативная задача, которую предстояло отработать в ходе учения, была поставлена наступательная:

«Войска Западного фронта по выполнению частной операции по захвату Сувалкского выступа, надежно прикрывшись 1 А с севера, завершают разгром противостоящего противника и к 23.3 выходят на р. Висла в готовности к последующему удару в направлении Лодзь для разгрома совместно с ЮЗФ главных сил Варшавско-Сандомирской группировки «западных»»³³.

Нумерация армий в игре никак не пересекалась с реальной нумерацией армий Западного особого округа и Западного фронта по «Соображениям...». В игре участвовали 1, 2, 9 и 15-я армия, а дополнительно в состав фронта прибывала 3-я армия. Соответственно на стороне «западных» действовали 5, 8, 9 и 10-я армии и отдельный армейский корпус. Состав армий Западного фронта см. в таблице.

³² ЦАМО РФ, ф.28, оп.11627, д.33, л.4.

³³ ЦАМО РФ, ф.28, оп.11627, д.32, л.6.

Таблица. Состав Западного фронта по сценарию игры.

	1 А	2 А	9 А	15 А	3 А	Резерв	Все
сд	13	24	10	20	21	-	88
тд	-	4	-	4	-	-	8
мсд	-	2	-	2	-	-	4
кд	-	3	-	-	-	-	3
ад	2	3	1	2	-	5	13
мбр	-	-	-	-	-	4	4
тбр	4	7	3	7	7	-	28

Разумеется, такой прорывы управлений корпусов в Западном особом округе в марте 1941 г. не было и не могло быть. В качестве играющих за штабы корпусов были привлечены командиры и начальники штабов корпусов с группой своих командиров (по 5–6 человек), которые играли сразу за 2–3 корпуса, стрелковых или механизированных. Для этого были привлечены штабы 1, 4, 21, 28 и 47-го стрелковых корпусов, 6-го мехкорпуса и 6-го кавкорпуса.

Состав сил сторон удивляет в мартовской игре больше всего. Против 36 пехотных и 2 танковых дивизий «западных» у «восточных» имелось 88 стрелковых, 8 танковых, 4 моторизованных и 3 кавалерийских дивизии. Превосходство с учетом прибывающей 3-й армии более чем двукратное. По «Соображениям...» сентября 1940 г. даже в северном варианте развертывания наряд сил для Западного фронта предусматривал всего 41 стрелковую дивизию, 2 моторизованные дивизии, 5 танковых дивизий, 3 кавалерийских дивизии и другие части. По более позднему документу, директиве наркома обороны и начальника ГШ КА Павлову апреля 1941 г. (см. выше), Западному фронту назначались даже более скромные силы. Фронт должен был наступать силами 38 стрелковых, 10 танковых, 5 моторизованных и 2 кавалерийских дивизий. По «Соображениям...» от 15 мая 1941 г. Западному фронту (ЗапОВО) выделялись 31 стрелковая, 8 танковых, 4 моторизованных и 2 кавалерийских дивизии. Ни о каких 88 (и даже 67 за вычетом «игровой» 3-й армии) стрелковых дивизиях в реальных планах не было и речи. Уже поэтому называть мартовскую игру отработкой реальных планов язык не поворачивается.

Неудивительно, что при подавляющем превосходстве в силах наступление войск Западного фронта в «игре» развивалось весьма успешно. На направлении главного удара фронта, в полосе 2-й армии против 18 стрелковых, 4 танковых, 2 моторизованных и 3 кавалерийских дивизий «восточных» действовали 8 пехотных и 1 танковая дивизия «западных». На брестском направлении, где наступала 15-я армия 15 стрелковым, 4 танковым и 2 моторизованным дивизиям «восточных» противостояли 9 пехотных и 1 танковая дивизия «западных». К «игровому» 19 марта войска «восточных» вышли силами 2-й армии к Праснышу и Цеханову, силами 15-й армии – на подступы к Демблину. К 23 марта войска Западного фронта вышли к Висле силами 2, 9-й армий и правым крылом 15-й армии. Справедливости ради нужно отметить, что в игре предусматривалось прибытие резервов противника. Так группировка «западных» перед фронтом 2-й армии «восточных» усилилась через двое-трое суток после начала боев до 10–12 пехотных дивизий, группировка перед фронтом 15-й армии «восточных» – до 15–16 пехотных и 2–3 танковых дивизий.

Кроме того, некоторый элемент «поддавков» внесли действия генерал-лейтенанта И. В. Болдина, игравшего за командующего «западных». Как отмечал в своем докладе по игре начальник западного отдела оперативного управления Генерального штаба КА генерал-майор Кокорев, Болдин «на первом этапе принял неправильное решение – по всему фронту отходить на новый оборонительный рубеж. Этим решением он не только не усложнял условия для «восточных», но прямо облегчал им решение задачи, вследствие чего генерал армии т. Павлов

выправил неправильное решение т. Болдина»³⁴. Впрочем, в дальнейшем решения за «западных» принимались правильно и нареканий со стороны руководства игрой не вызывали.

Наиболее интересным является вопрос о взаимосвязи проведенной игры и реальных планов Западного фронта на первую операцию. Однако, если мы сравним построение армий и направления их ударов в игре с имеющимися планами, то обнаружим весьма слабую корреляцию между ними. Так по апрельской директиве наркома обороны и начальника ГШ КА Западный фронт должен был наступать на Варшаву и Вислу двумя армиями (4-й и 13-й), прикрываясь с севера и со стороны Восточной Пруссии 10-й и 3-й армиями. В мартовской игре на Варшаву и Вислу наступали две сильные армии (2-я и 15-я) со слабой армией-связкой на стыке между ними (9-й). Прикрытие со стороны Восточной Пруссии возлагалось всего на одну армию (1-ю). С «Соображениями...» сентября 1940 г. мартовская игра стыкуется еще меньше. Ввиду того, что тогда планировалось наступать на север и северо-запад в Восточную Пруссию, а не на Варшаву и Вислу. Можно, конечно, выдвинуть предположение, что на игре был отработан вариант использования старой группировки, с перенацеливанием её с Восточной Пруссии на Варшаву. Соответственно опыт игры заставил пересмотреть наряд сил и распределение армейских управлений. Но эти рассуждения подтвердить или опровергнуть увы нечем. Можно выдвинуть весомые аргументы как за, так и против этой версии. Она останется лишь версией.

В целом при изучении материалов игры напрашивается вывод, что ее задачей была все же не отработка планов, а учеба командного состава. В этом мартовская игра в Минске похожа на январские игры в Москве. Некоторая переключка с планами имела место разве что в отношении изучения местности на направлениях вероятных действий войск фронта. Учебные задачи были вполне определенно прописаны в плане игры:

«Тренировать командующих армиями и штабы фронта и армий в умении:

а) организовать, спланировать и обеспечить в боевом и материальном отношениях наступательную операцию фронта и армии;

б) управлять войсками и организовывать взаимодействие родов войск и с соседями в ходе операции, в условиях резко меняющейся обстановки;

в) быстро разбираться в обстановке, находить свое место в операции, принимать соответствующее обстановке решение со смелой, решительной перегруппировкой и созданием сильного кулака на решающем направлении и твердо проводить его в жизнь;

г) культурно оформлять всю отрабатываемую документацию»³⁵.

О том как эти общие задачи детализировались в ходе учений можно судить по задачам армий на различных этапах игры. Например «Развитие удара в оперативной глубине противника при угрозе с флангов» (для 2-й армии) или «Действия ограниченными силами и на широком фронте против обороняющегося укрепленную полосу противника» (для 1-й армии) или «Разгром крупных резервов противника в его оперативной глубине» (для 15-й армии). Конечно, в реальных июне – июле 1941 г. пришлось решать совсем другие задачи, но на лето 1941 г. война не заканчивалась. В реальных 1943–45 гг. и даже 1942 г. эти формулировки были уже вполне к месту.

Ввиду очевидных несовпадений вводных мартовской игры и реальных планов первой операции на западном направлении результаты игры не позволяют сделать каких-либо далеко идущих выводов. Об осуществимости реальных планов игры не сказали практически ничего. Вместе с тем игра была своего рода экзаменом для штабов и их командующих. К сожалению, в игре не участвовал генерал Коробков – командующий 4-й армией Западного особого округа. Это достаточно противоречивая фигура и получить его предвоенную оценку как военачаль-

³⁴ ЦАМО РФ, ф.28, оп.11627, д.27, л.45.

³⁵ ЦАМО РФ, ф.28, оп.11627, д.27, л.37.

ника из уст представителя Генштаба было бы весьма любопытно. Однако два других командарма Западного особого округа в игре участвовали и их работа была оценена.

Штаб 3-й армии в игре стал штабом 1-й армии. Командующий армией В. И. Кузнецов был оценен генштабистами положительно: «За все время игры командующий армией принимал решения в соответствии с обстановкой, грамотно реагировал на изменения в обстановке». Так же было отмечено продуманное планирование штабом «1-й армии» частной операции по срезанию Сувалкинского выступа. Как недостаток в работе штаба была отмечена торопливость расчета при перегруппировках войск, без внимательного подсчета времени и величины соединений.

Штаб 10-й армии на учениях играл роль штаба 2-й армии – мощного ударного объединения, самого многочисленного в игре. Командующий 10-й армии генерал-майор Голубев был на второй день игры³⁶, но быстро включился в работу. Наблюдателем от Генштаба было отмечено, что с его прибытием «работа командования и штаба резко улучшилась и действия армии стали решительнее и смелее». Общая характеристика командарма также была положительной: «В процессе дальнейших этапов игры т. Голубев грамотно реагировал на изменения в обстановке, проявляя в этих случаях соответствующую инициативу». Следует отметить, что до его назначения командующим 10-й армией Голубев был старшим преподавателем в Академии им. М. В. Фрунзе. По иронии судьбы по оперативным планам Западного фронта (ЗапОВО) 10-й армии доставалась сугубо вспомогательная задача.

Вместе с тем не следует думать, что игра была показухой, в которой все получили положительные оценки. Так командующим «игровой» 15-й армии, роль штаба которой выполнял штаб 4-й армии округа, был назначен командир 28-го корпуса генерал-майор Попов. Его решения и действия были подвергнуты резкой критике, Павлову даже пришлось поправлять комкора-«командарма». Собственно штаб округа выполнял роль руководства учениями, штаб фронта как таковой в игре не участвовал. Учёба в ходе игр была, безусловно полезной для штабов Западного особого военного округа. Более того, вышеупомянутый генерал-майор Кокорев в своем докладе по игре отмечал: «сколоченность штаба фронта по сравнению с осенней полевой поездкой резко повысилась. Особенно это заметно на работе оперативного отдела, который в процессе игры показал слаженную работу командиров отдела, которые в основном являются окончившими в 1940 году академию им. Фрунзе»³⁷. Мало кто из этих «академиков» мог даже представить себе, что его ждет буквально через три месяца, в июне 1941 г.

Несмотря на всю условность и учебный характер мартовской игры она поставила один из насущных вопросов, связанный с реорганизацией Красной армии в предвоенный период. Поначалу во вводных на игру присутствовали танковые бригады. Однако, решение на формирование тридцати мехкорпусов было уже принято и участвовавшие в игре представители Генштаба внесли соответствующие коррективы. Теперь в распоряжении командующих армиями были только механизированные корпуса. Это сразу же вызвало дискуссию о характере их использования. В отчете Генштаба КА по итогам учения было сказано следующее: «В процессе игры остался не совсем ясным вопрос использования танковых частей для поддержки пехоты при отсутствии танковых бригад. В основном были две точки зрения: одна – при прорыве в качестве поддержки пехоты выделять стрелковым корпусам танковые дивизии и вторая – прорывать оборонительную полосу артиллерией и самой пехотой, после чего вводить МК в прорыв»³⁸. В числе сторонников растаскивания мехкорпусов на поддержку пехоты был начальник штаба 10-й армии генерал-майор Ляпин. Для решения задач поддержки пехоты он выделил от

³⁶ Неясно, было ли это заложено в сценарий игры или случилось по не зависящим от нее обстоятельствам. Он был именно в марте 1941 г. назначен командующим 10 А – Прим. авт.

³⁷ ЦАМО РФ, ф.28, оп.11627, д.27, л.44.

³⁸ ЦАМО РФ, ф.28, оп.11627, д.27, л.45.

каждого мехкорпуса 2-й «игровой» армии по танковой дивизии, распределив их равномерно по стрелковым корпусам ударной группировки армии. Таким образом, уже едва ли не в первой игре с новыми соединениями возник вопрос о целесообразности ликвидации видового разнообразия механизированных частей Красной армии. Однако эти «сигналы снизу», к сожалению, в расчет при формировании мехкорпусов приняты не были.

Помимо трудностей, возникших с использованием танковых частей и соединений, шероховатости возникли в отработке действий еще одного рода войск – авиации. Тогдашний командующий 3-го дальнебомбардировочного корпуса Скрипко в своих мемуарах подверг проводившуюся игру резкой критике. Он писал:

«Мне была непонятна цель подобной военной игры, проводимой после совещания в Москве, где обсуждались очень конкретные практические задачи. И свои соображения я откровенно высказал генералу И. И. Копцу и заместителю руководителя игры начальнику штаба ВВС округа полковнику С. А. Худякову. Но план менять не стали. Такой жизненно важный вопрос, как организация взаимодействия дальних и фронтовых бомбардировщиков с истребителями остался незатронутым»³⁹.

Нельзя не отметить, что здесь перед нами очевидное послезнание. Взаимодействие дальней авиации с истребителями было актуально в конкретных условиях лета 1941 г, когда ТБ-3 и ДБ-3 опаряляли штурмовать механизированные колонны противника днем. Последующие ночные полеты делали этот вопрос куда менее актуальным. Также Скрипко высказал недоумение относительно состава своего корпуса:

«Боевой состав корпуса руководители учений взяли не реальный, а произвольный. Чтобы десантировать одним рейсом воздушно-десантный корпус, потребовалось 1100 тяжелых кораблей ТБ-3. Именно таким количеством самолетов они и укомплектовали условно мой корпус. Должен заметить, что столько тяжелых кораблей до войны у нас вообще никогда не было. За все предшествовавшие годы промышленность смогла выпустить всего-то около 800 тяжелых бомбардировщиков ТБ-3, производство которых прекратилось еще в 1938 году»⁴⁰.

Однако в докладе по итогам игры планирование высадки и обеспечения десанта были признаны удачными. Деятельность в этом направлении как штаба 10-й армии, так и штаба ВВС округа (возглавлявшегося упомянутым Скрипко полковником Худяковым) была оценена безусловно положительно. Кроме того, в докладе было сказано следующее: «Необходимо также отметить, что захват переправ и организация переправ через р. Висла потребовала большого количества транспортной и боевой авиации, в этом случае для переброски десантных частей были использованы также самолеты ДБ-3, т.к. самолетов ТБ-3 не хватало»⁴¹. По условиям игры в составе ВВС «восточных» числилось 9 дальнебомбардировочных дивизий, всего 2232 дальних бомбардировщика. Возможно Скрипко на момент написания мемуаров уже не помнил, что часть функций была возложена на ДБ-3, которые в 1941 г. производились большой серией.

³⁹ Скрипко Н.С. По целям ближним и дальним. М.: Воениздат, 1981, С.41.

⁴⁰ Скрипко Н.С. По целям ближним и дальним. М.: Воениздат, 1981, С.41.

⁴¹ ЦАМО РФ, ф.28, оп.11627, д.27, л.41.

Истребитель МиГ-3 вырывается на взлет. Освоение новых истребителей стало долгим и трудным делом.

Мартовская игра была не единственной, проведенной в ЗапОВО в последние предвоенные месяцы. Она лишь была самой крупной. В период с 7 по 13 апреля в 3-й и 10-й армиях и с 22 по 26 апреля 1941 г. в 4-й армии прошли командно-штабные игры на тему «Армейская наступательная операция». С 4 по 6 января со штабом 21-го стрелкового корпуса и с 19 по 21 февраля со штабом 47-го стрелкового корпуса прошли командно-штабные учения со средствами связи на тему «Наступление стрелкового корпуса с производством крупных перегруппировок на поле боя». Такие же учения были проведены с 1, 4, 5 и 28-м стрелковыми корпусами. Не обойдены были также подвижные соединения. С 11 по 13 февраля со штабом 6-го кавкорпуса было проведено командно штабное учение в поле на тему «Действия кавкорпуса на фланге армии в первоначальный период войны». С 1 по 4 апреля со штабами 6-го мехкорпуса и 6-го кавкорпуса было проведено еще одно учение в поле. На это раз тема была «Самостоятельные действия кавалерийского и механизированного корпусов в глубине оборонительной полосы противника». Интересно отметить, что на этом учении связь между штабами осуществлялась только по радио. Так что упреки в пещерном уровне работы с радиосвязью в предвоенный период как минимум безосновательны.

Вместе с тем может возникнуть вопрос: «А об обороне-то в штабе Западного округа думали?» Ответ будет положительным. В январе на сборе высшего командного состава был заслушан доклад начальника штаба ЗапОВО генерал-майора Климовских на тему «Армейская оборонительная операция». Во время проведения мартовской игры Климовских читал доклад «Фронтная наступательная операция». В январе в войска также была разослана летучка на тему «Ликвидация прорвавшихся танков противника». Однако специализированных учений и игр на оборонительные темы действительно не проводилось. Если, конечно, не принимать в расчет того, что в любом случае при отработке наступления командирами и командующими попутно отыгрывается оборона. Как за счет влезания в шкуру обороняющегося противника, так и за счет пассивных и подвергающихся контрударам «западных» участков фронта.

На земле, в небесах и предполье

*На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч и суров:
Если завтра война, Если завтра в поход,
Будь сегодня к походу готов!
Полетит самолет, застрочит пулемет,
Загрохочут могучие танки,
И линкоры пойдут, и пехота пойдет,
И помчатся лихие тачанки.*

Песня предвоенных лет

Планы прикрытия. В период сосредоточения и развертывания войск, в период расстановки фигур на доске для грядущей шахматной партии, границу предполагалось прикрывать от возможных вылазок противника быстро мобилизуемыми дивизиями приграничных армий. Задачами этих соединений было:

«а) упорной обороной полевых укреплений по госгранице и укрепленных районов: не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа; прочно прикрыть отомобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа;

б) противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить нормальную работу железных дорог и сосредоточение войск;

в) всеми видами и средствами разведки округа своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника;

г) активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным жел[езно]дорожным узлам, мостам, перегонам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника;

д) не допустить сбрасывания и высадки на территории округа воздушных десантов и диверсионных групп противника»

Не следует думать, что планы прикрытия как таковые были изобретением последних предвоенных недель. Ранее они были частью общего плана округа(будущего фронта). До определенного момента прикрытия границы и план первой операции совмещались в одном документе, но незадолго до войны было решено выделить их в отдельный документ. Суть дела это, разумеется, никак не изменило. Например, в апрельской директиве наркома обороны и начальника Генштаба в адрес Д. Г. Павлова указывалось:

«В период отомобилизации и сосредоточения войск – упорной обороной, опираясь на укрепленные районы, прочно прикрывать наши границы и не допустить вторжения противника на нашу территорию»⁴².

Это вовсе не означает, что незадолго до войны советское командование вдруг опомнилось и разработало оборонительный план первой операции. План прикрытия по-прежнему ограничивался периодом от объявления мобилизации или формального начала военных действий до развертывания главных сил.

Интересной особенностью плана прикрытия ЗапОВО является использование автотранспорта для развертывания соединений. Так в нем указывается: «24-я и 100-я стр[елковые] дивизии перевозятся в первую очередь пошелонно автотранспортом». Это были не единственные соединения, для выдвижения которых планировалось задействовать автомашины. Помимо них в плане присутствовала: «55-я стр[елковая] дивизия перебрасывается автотранспортом и по

⁴² 1941 год. Документы. Т.2, С.134.

жел[езной] дороге». Возможно такие своеобразные решения были следствием «автобронетанкового» прошлого Павлова.

Позднее, уже после войны, бывший начальник штаба 4-й армии Западного фронта Сандалов написал «Основным недостатком окружного и армейского планов являлась их нереальность». Однако это уже апостериорная оценка составленного до войны плана. С точки зрения сценария «внезапное нападение всеми силами» они действительно были нереальными. Если же примерять их к сценарию «война начинается, а главные силы сторон вступают в бой только спустя две недели», то планы прикрытия ЗапОВО вполне ему соответствовали.

Сандалов также пишет «Особенно неудачно был назначен район сосредоточения по тревоге для 22-й танковой дивизии, которая дислоцировалась в Бресте, в южном военном городке южнее р. Мухавец». Здесь он опять же исходит из оценки апостериори, исходя из того развития событий, которые произошли в реальном июне 1941 г. Тогда действительно случилась катастрофа, которую описал бывший начальник штаба 4-й армии: «Неудачная дислокация 22-й танковой дивизии и неразумно запланированный выход дивизии в район Жабника привели в первые часы войны к огромным потерям в личном составе и к уничтожению большей части техники и запасов дивизии».

В предвоенном докладе о ходе укомплектования танковых корпусов мы находим совсем другие оценки. Относительно упомянутой Сандаловым дивизии сказано: «22 ТД расквартирована Брест в в/городке на базе 29 лтбр, размещение в каменных казармах и отепленных парках – хорошее и обеспечивает нормальный ход боевой подготовки»⁴³. Про 33-ю танковую дивизию 11-го мехкорпуса, на той же странице доклада сказано, что ее личный состав размещен в «домах, сараях и конюшнях». Далее в отчете о размещении 22-й дивизии говорилось «Красноармейцы размещены в казармах на двухярусных нарах. Размещение удовлетворительное» У дивизии были даже учебные классы. Про другие соединения в докладе звучали такие слова: «остальной состав располагается в землянках» или «Красноармейцы размещены стесненно». Не редкостью при таком размещении были трехярусные нары. Для размещения других танковых частей ЗапОВО использовались конюшни, манеж, синагога и даже «бывшая тюрьма».

Если бы план прикрытия вводился в том варианте, для которого он изначально предназначался, то 22-я танковая дивизия благополучно вышла бы на исходные позиции. Просто потому, что немецкая артиллерия по сценарию использования планов прикрытия еще не должна была выйти на позиции и тем более оказаться в готовности к открытию огня. Аналогом это ситуации может быть объявление войны и ввод в действие планов прикрытия сразу после сообщения ТАСС от 14 июня 1941 г. Реальным 15 июня 22-я дивизия могла без помех проделать тот путь, на который сетовал Сандалов.

Однако события развивались совсем не так как планировали в штабах особых округов и Генеральном штабе Красной армии. Приняв решение напасть на СССР, немецкое командование приложило все усилия для обеспечения внезапности нападения. Предназначенные для проведения «Барбароссы» войска были разбиты на шесть эшелонов. В первых четырех эшелонах на восток перебрасывались только пехотные дивизии. Крупные массы пехоты без бронетехники выглядели как безобидный заслон на востоке для прикрытия готовящегося вторжения в Англию. Советскому руководству не предъявлялось никаких ультиматумов и однозначного вывода о планах противника из донесений разведки весной 1941 г. не просматривалось.

Нарушения границы. Одной из важных частей театра абсурда последних предвоенных месяцев были нарушения воздушного пространства СССР немецкими самолетами. В частности скандально известный советский историк 1960-х годов А. М. Некрич⁴⁴ пишет:

⁴³ ЦАМО РФ, ф.38, оп.11353, д.899, л.2.

⁴⁴ Автор нашумевшей книги «22 июня 1941 г.» 1965 г., в 1975 г. эмигрировал в США.

«С апреля 1940 г. не только пограничным войскам, но и частям Красной Армии запрещалось открывать огонь по нарушителям советских воздушных границ. Германское правительство было официально об этом информировано. [...]Нарушения советской воздушной границы с каждым месяцем принимали все большие масштабы. Советское правительство неоднократно заявляло германскому правительству протест. С января 1941 г. и до начала войны немецкие самолеты 152 раза нарушали советскую границу»⁴⁵

СССР и Красная армия выступали в роли кролика, загипнотизированного удавом. Который парализованный страхом смотрит на своего мучителя и позволяет ему делать все, что тому заблагорассудится. Однако при этом деликатно замалчивался вопрос о том, имелись ли такие нарушения воздушного пространства Германии с советской стороны. Проще говоря, не имелось ответа на вопрос, как ситуация выглядела с другой стороны границы. На данный момент есть документы, позволяющие уверенно сказать, что границу перелетали в обе стороны. Например, 26 мая 1941 г. в суточном донесении отдела разведки и контрразведки 4-й немецкой армии сообщалось:

«Русский самолет войсковой авиации (истребитель И-16) – ясно видны русские государственные опознавательные знаки – 26.5.41 г. в 11 час. 40 мин. перелетел границу между Нарев в направлении Остроленка на высоте около 2000 м, пролетел над казармами в Войцеховице...

Русский истребитель (ясно виден советский государственный опознавательный знак) в 12 час. 10 мин. пролетел над германской территорией в районе Остров-Маз[овецкий].., опустился до 50 м над городом и на высоте около 500 м перелетел через границу в районе Угниево. Время пребывания над территорией Германии составило около 5 мин»⁴⁶.

Понятно, что это могли быть добросовестные потери ориентировки советскими летчиками в процессе выполнения учебных полетов. Отмеченные случаи, скорее всего, были заурядными ошибками в прокладке курса. Снижение же было попыткой сориентироваться. Однако летавшие над СССР немецкие самолеты-разведчики выдвигали ту же версию – потеря ориентировки.

В июне такие полеты продолжились. Так 6 июня 1941 г. отдел разведки и контрразведки 4-й немецкой армии докладывал:

«1) 5.6.41 г. в 11 час. 58 мин. русский самолет, подойдя с севера, на большой высоте перелетел через Буг в направлении Сарнаки (40 км восточнее Седлец);

2) 6.6.41 г. между 10 час. 15 мин. и 10 час. 30 мин. 2 русских биплана типа Р-5 или Р-Z на высоте около 500 м вторглись в воздушное пространство Германии на участке Коморово – Остров-Маз[овецкий]. – Угниево. Время пребывания от 3 до 7 мин»⁴⁷.

Не всегда наблюдатели могли разглядеть опознавательные знаки:

«10.6.41 г. в 10.00 час. 3 самолета из России перелетели границу рейха между Биркенберг и Штайнен и через короткое время под Биркенберг возвратились в Россию. Высота полета 1500 м. Одномоторный моноплан»⁴⁸.

Иной раз вторжения были довольно продолжительными по времени. 8 июня 1941 г. немецкий крепостной штаб «Блаурок» докладывал:

«В 12 час. 05 мин. перелетел границу русский моноплан. Направление полета: Кольно – Винчонта – Турау. В 13 час. 05 мин. самолет перелетел границу в обратном направлении»⁴⁹.

Интересно отметить, что в последних случаях речь явно идет об истребителях. Причины частой потери ориентировки пилотами-истребителями очевидны. Когда пилот не только занят

⁴⁵ Некрич А.М. 1941, 22 июня. – М.: Памятники исторической мысли, 1995, С.

⁴⁶ ЦАМО РФ, ф.500, оп. 12462, д.586, лл.62-63.

⁴⁷ Там же, л.45.

⁴⁸ Там же, л.33

⁴⁹ ЦАМО РФ, ф.500, оп. 12462, д.586, л.39.

пилотированием, но и вынужден прокладывать курс, ошибки неизбежны. Достоверных (по опознавательным знакам) вторжений в свое воздушное пространство советских двухмоторных самолетов немцы не отмечают.

Также немцами фиксировалась активность советской разведывательной авиации, действовавшей без нарушения границы соседа. В донесениях мелькают сообщения типа «два самолета-разведчика барражировали вблизи границы» или «5 русских самолетов-разведчиков пролетели вдоль границы на высоте около 1000 м».

Один из последних отмеченных немцами перед войной случаев пересечения германской границы советскими ВВС был в последний мирный день. В суточном донесении крепостного штаба «Блаурок» указывалось: «21.6 в 3 час. 30 мин. вторжение 3-х русских истребителей над районом Яновка, 10 км северо-западнее Августов».

Соответственно претензии относительно нарушения советского воздушного пространства наталкивались на встречные претензии о нарушении воздушного пространства «Генерал-губернаторства». Приказ стрелять по нарушителям обернулся бы шквальным огнем «эрликонов» по «одномоторным монопланам» над Остров-Мазовецким с непредсказуемыми последствиями.

На земле. В то время как на территории «Генерал-губернаторства» (оккупированной немцами Польши) происходило накопление германских войск, части Западного особого военного округа вели боевую учебу и получали новую технику. Если в руках немецкого командования были танковые группы численностью в 130–200 тыс. человек, то в Красной армии крупнейшим подвижным соединением был механизированный корпус численностью около 30 тыс. человек. Несмотря на штатную численность в тысячу танков мехкорпус не шел ни в какое сравнение с танковой группой по своим боевым возможностям.

В Красной армии формирование танковых соединений нового поколения началось с приходом на пост наркома обороны Маршала С. К. Тимошенко. В конце мая – начале июня 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба представили в Политбюро и СНК несколько вариантов предложений, в которых предлагалось сформировать принципиально новые механизированные соединения – танковые дивизии. Однако догоняющий лидера, даже если бежит изо всех сил, не может достичь за год-полтора того же результата, что и начавший бежать несколькими годами ранее. По отношению к германским танковым войскам мехкорпуса РККА 1940 г. все равно оказывались вчерашним днем. Во-первых, по опыту первых кампаний немецкие танковые дивизии были сбалансированы, приведены к примерно равному числу танковых и мотопехотных батальонов. Советские мехкорпуса были перегружены танками в ущерб мотопехоте. Во-вторых, имеющаяся на вооружении техника, которая вынуждено пошла на формирование мехкорпусов (за отсутствием альтернатив) была создана, исходя из более простых задач.

В первую очередь это касалось мехтяги артиллерии. Еще на совещании руководящего состава РККА в декабре 1940 г. командир 6 механизированного корпуса ЗапОВО Михаил Георгиевич Хацкилевич говорил: «...мы имеем в артиллерии трактора СТЗ-5, которые задерживают движение. Наша артиллерия, вооруженная этими тракторами, имеет небольшую подвижность и отстает от колесных машин и от танковых соединений. (Из президиума: 30 км в час). М. Г. Хацкилевич: Теоретически это так, а практически он такой скорости не дает»⁵⁰. Транспортный трактор СТЗ-5 действительно был не лучшим образцом для подвижных соединений. Имея мощность двигателя всего 50 л.с. он существенно уступал полугусеничным тягачам немецких танковых дивизий, оснащенных двигателями в 100–140 л.с. В результате артиллерия мехкорпусов в ходе их маневрирования во время сражения отставала от танков. Кроме того, юный возраст советских танковых соединений накладывал отпечаток на их использование. Командиры и командующие далеко не всегда понимали принципы использования мехкор-

⁵⁰ Русский Архив. Великая Отечественная. Том 1. М.: «Терра», 1993, С.276.

пусов, привычно раздергивая их на мелкие части для решения узких задач. Иногда это было обусловлено обстановкой на фронте, иногда нет.

Одним из ключевых показателей боеготовности округов перед войной было количество бронетехники новых типов. В связи с этим любопытно отследить темпы поступления танков Т-34 и КВ в Западный особый и Киевский особый округа соответственно в последние предвоенные месяцы⁵¹. В период с января до апреля безусловным лидером по получению новой техники было юго-западное направление. Киевский особый и Одесский округа получили за первые четыре месяца 1941 г. 187 КВ и 302 Т-34. За этот же период Западный особый военный округ получил всего 2 КВ и 74 Т-34. Однако с мая ситуация резко изменяется. С 1 мая по 21 июня 1941 г. Киевский особый округ получил 40 КВ и 101 Т-34, а Западный особый округ – 20 КВ и 292 Т-34. Как мы видим, в Белоруссию было отправлено почти в три раза больше «тридцатьчетверок», чем на Украину. Причем из этого числа 138 Т-34 поступили в округ Д. Г. Павлова только в июне 1941 г. В этом месяце Киевский особый округ вообще не получал «тридцатьчетверок», 100 % поступления с заводов шло в Белоруссию. Отчетливо просматривается активная «накачка» западного направления новой бронетехникой в последние предвоенные недели. Распределение техники по округам находилось на личном контроле начальника Генерального штаба КА Г. К. Жукова. Это заставляет выдвинуть предположение, что Георгий Константинович, чувствуя приближение войны, решил усилить опасное направление, хотя бы за счет новых танков.

Танк БТ-7 из 1-й моторизованной дивизии на параде на Красной площади. 1940 г.

⁵¹ Рассчитано автором по данным Главного Автобронетанкового управления КА, ЦАМО РФ, ф.38, оп.11353, д.920, лл.1-37.

По данным на 1 июня 1941 г. в Западном особом военном округе было 97 танков КВ (75 КВ-1 и 22 КВ-2) и 228 Т-34 (203 линейных и 25 радиальных)⁵². В июне к ним прибавились 20 КВ-2 и 138 Т-34. 20 КВ-2 или, как его тогда называли «КВ с большой башней» были отгружены 17 июня в адрес 29-й танковой дивизии. Но, скорее всего, далеко не все эти машины добрались до соединения. Из 138 «тридцатьчетверок» июньской отгрузки 24 танка получила 29-я танковая дивизия 11-го механизированного корпуса и 114 танков – 6-й механизированный корпус. На 22 июня 1941 г. в последнем числилось 238 Т-34 т.е. почти половину своих «тридцатьчетверок» он получил буквально в последние предвоенные недели. Более того, большую часть Т-34 корпус Хацкилевича получил только в мае-июне 1941 г. На 1 апреля 1941 г. в 4-й танковой дивизии 6-го мехкорпуса уже было 63 КВ и 70 Т-34, в 7-й танковой дивизии – 29 КВ и ни одного Т-34. За апрель корпус получил только 24 Т-34. Понятно, что такие темпы поступления матчасти не лучшим образом отразились на освоении новых танков личным составом. Справочные данные об укомплектованности мехкорпусов, ставших главными игроками разыгравшегося вскоре сражения см. в Приложении.

Знаковым мероприятием предвоенного периода стало формирование специальных противотанковых бригад. Не в последнюю очередь это было связано с осознанием ограниченных возможностей широко распространенной в РККА 45-мм противотанковой пушки. По замыслу командования противотанковые бригады должны были стать высокоподвижными резервами, способные быстро выдвинуться на направлении главного удара противника и усилить оборону стрелковых и танковых частей. Также они могли использоваться для прикрытия фланга собственного наступления – за счет подвижности они могли не отставать от вырвавшихся вперед мехкорпусов. Формировались бригады в большой спешке и их состояние к июню 1941 г. было далеко от идеального.

Таблица. Состояние противотанковых бригад ЗапОВО на 13 июня 1941 г.⁵³

	Личный состав	Автомашины	Трактора	Артиллерия			
				107-мм	85-мм	76-мм	37-мм
Штат	5309	707	189	12	24	24	8
6 птабр	2504	23	5		-	40	-
7 птабр	2766	16	-		-	40	-
8 птабр	2673	61	4	18	-	24	-

Иначе как чудовищным состояние противотанковых бригад ЗапОВО назвать не получается. Как по численности личного состава, так и по численности транспортных средств они сильно не дотягивали до штата. Фактически их подвижность можно охарактеризовать как нулевую. Для противотанкового подразделения это ключевая характеристика. Его задачей является быстрое выдвижение на выявившееся направление удара вражеских танков. Не имея транспортных средств, бригады не могли этого сделать чисто физически. Приходится констатировать, что формирование противотанковых бригад в Западном особом округе было провалено.

Надо сказать, что в очередном донесении Начальнику Генерального штаба Г. К. Жукову от 13 июня 1941 г. о ходе новых формирований Военный совет округа никак не комментировал ситуацию по боеспособности противотанковых бригад. Все было очевидно из прилагавшейся к донесению ведомости об их укомплектованности личным составом и материальной частью. Было лишь отмечено, что «Низкий процент укомплектованности рядовым составом объясня-

⁵² Боевой и численный состав вооруженных сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Статистический сборник №1 (22 июня 1941 г.), М. 1994, С.136.

⁵³ ЦАМО РФ, ф.127, оп.12915, д.75, л.80.

ется медленным поступлением призывного контингента»⁵⁴. Видимо какие-то надежды возлагались на поступление транспорта по мобилизации. Однако тягачами из сельскохозяйственных тракторов противотанковые бригады не могли удовлетвориться.

К чести Военного совета округа нужно сказать, что Павлов и его непосредственные подчиненные не стали ждать милостей от Генштаба. Позднее бывший член Военного совета ЗапОВО корпусной комиссар А. Я. Фоминых писал Л. З. Мехлису:

«...у нас были организованы 3 противотанковых бригады. Но в бригады не было дано ни одного трактора. Лошади им не положены. Что же это за часть, которая имеет матчасть, но не может ее передвигать! И только в последнее время было разрешено по нашему ходатайству взять трактора из стрелковых дивизий, а артиллерию стрелковых дивизий перевести на конную тягу (там, где брались трактора). Перекантовка тракторов из стрелковых дивизий происходила в июне месяце самым энергичным порядком и к началу войны ПТБр были в основном тракторами укомплектованы»⁵⁵.

Однако в любом случае, лучшее, что можно было изъять из стрелковых дивизий для укомплектования противотанковых бригад это все тот же СТЗ-5, он же СТЗ-НАТИ. Соответствующей задачам подвижности он противотанковым бригадам дать не мог.

В небесах. В начале 1940 г. ВВС Западного особого округа насчитывали 23 авиаполка и 15 отдельных разведывательных эскадрилий. Больно ударившая по престижу РККА Зимняя война заставила оголить даже жизненно важное Западное направление. В январе – феврале 1940 г. из состава ВВС округа убыли 15 авиаполков и 5 разведэскадрилий. Положительным моментом таких «командировок» стало получение авиасоединениями боевого опыта. На этом фоне в 1940 г. развернулась масштабная реорганизация авиации Красной армии. Авиация была приоритетным направлением развития вооруженных сил СССР в предвоенные годы. Задачей, которую поставил Сталин наркому обороны и начальнику Генштаба, была «доведение до 20 000 самолетов в строю» ВВС Красной армии. В феврале 1940 г. военно-воздушные силы СССР насчитывали 149 авиаполков. К 1 января 1941 г. их было уже на сотню больше – 249. Значительный рост авиачастей заставил перейти на дивизионную структуру авиации. Создавались истребительные (ИАД), бомбардировочные (БАД) и смешанные (САД) авиадивизии.

В рамках этой амбициозной программы усиления авиации с февраля по октябрь 1940 г. в ЗапОВО было сформировано 23 новых авиаполка и 3 окружных школы пилотов. К 1 мая 1941 г. округ располагал 13 авиаполками старого формирования и 23 – нового формирования. В их числе было 13 истребительных полков, 13 бомбардировочных, 2 разведывательных и 2 резервных. Кроме того, еще 6 бомбардировочных полков было в составе 3-го авиакорпуса дальней авиации. Как мы видим, при общем возрастании числа авиаполков в 1,7 раза, в ЗапОВО 60 % авиачастей были из числа новых формирований.

Если же взять лупу и посмотреть на конкретные авиасоединения, то картина получается еще ярче. В 9-й САД – один истребительный полк старого, три – нового формирования, единственный бомбардировочный полк был старым, участвовавшим в боевых действиях на финском фронте. Новые полки имели нумерацию больше сотни: 124, 126 и 129-й. В 10-й САД три полка старых, один истребительный авиаполк – «сотый», формирования 1940 г. В 11-й САД два полка были сформированы в 1940 г., один полк бомбардировщиков – старый, участник финской кампании. В 12-й БАД из шести полков только один был старого формирования, воевавший на Р-З в финскую. В 13-й БАД из пяти полков четыре формировали с 1940 г. Недостатки столь стремительного роста авиации округа были очевидны еще до войны. Как отмечалось в майском докладе 1941 г. по ВВС ЗапОВО формирование за счет внутренних

⁵⁴ ЦАМО РФ, ф.127, оп.12915, д.75, л.76.

⁵⁵ Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 г.). Документы и материалы. Минск, НАРБ, 2007, С.392.

ресурсов округа «привело к разжижению кадров, выдвижению молодых, малоопытных и слабо подготовленных летчиков на командные должности»⁵⁶.

Подготовка командного состава авиасоединений ЗапОВО также была различной. Оценка командиров дивизий по подготовленности перед войной была следующей:

полковник Аладенский (12 БАД), полковник Белов (10 САД), полковник Ганичев (11 САД) – хорошо;

генерал-майор Черных (9 САД), генерал-майор Польшин (13 БАД), полковник Туренко (59 АД) – удовлетворительно;

генерал-майор Захаров (43 ИАД), полковник Татановичи (60 АД) – слабо.

Почему большинство хорошо подготовленных командиров было полковниками, а генералы, напротив, не блистали, объяснить трудно. Тем не менее это так.

Слабым местом новых формирований также был также авиапарк. Учебных УТИ-4, УСБ не хватало для обучения большого числа пилотов. Вместе с тем, нельзя не отметить, что новые формирования ЗапОВО были неплохо обеспечены вспомогательной техникой. Укомплектованность бензозаправщиками, компрессорами, стартерами и подъемными кранами была около 100 % и даже иногда превышала эту цифру. При этом речь шла о сотнях машин, одних бензозаправщиков в авиачастях ЗапОВО было свыше 300 штук.

Помимо организации важнейшим элементом, определяющим эффективность действий ВВС, является система базирования. Формально аэродромная сеть ЗапОВО включала 230 аэродромов, в том числе 180 аэродромов для современной скоростной авиации. Однако по состоянию на 22 июня авиачасти ЗапОВО не были размазаны по 230(или даже 180) аэродромам на большую глубину. Ситуация же с аэродромной сетью у границы была достаточно напряженной. Еще по итогам инспекторской проверки аэродромов округа в апреле 1941 г. было сказано: «На летний период будет временно выведено из строя 61 аэродром, на которых намечено строительство взлетно-посадочных полос, в том числе 16 основных аэродромов, на которых сосредоточены запасы частей округа. В западной Белоруссии (западнее меридиана Минск) из 68 аэродромов под строительство полос занимается 47 аэродромов, из них 37 полос строится на существующих аэродромах, 13 аэродромов занимают для работы на летний период (лагеря) и остаются свободными 18 аэродромов»⁵⁷.

Таким образом, маневр авиации ЗапОВО был изначально сужен, еще по принятым к исполнению весной 1941 г. планам строительства бетонных ВПП. Для чего их строили? В период осенней и весенней распутицы грунтовые аэродромы раскисали и нормальная учеба пилотов становилась почти невозможной. Зимой 1940–41 гг. было принято решение построить на ряде аэродромов приграничных и внутренних округов бетонные полосы. Начало строительства в ЗапОВО сделало кошмар реальностью:

«Несмотря на предупреждения о том, чтобы ВВП строить не сразу на всех аэродромах все же 60 ВПП начали строиться сразу. При этом сроки строительства не выдерживались, много строительных материалов было нагромождено на летных полях вследствие чего аэродромы были фактически выведены из строя. В результате такого строительства аэродромов в первые дни войны маневрирование авиации было очень сужено и части оказывались под ударом противника»⁵⁸.

Весной 1941 г., когда начали работы по переоборудованию аэродромов под бетонные полосы, политическая обстановка еще не оценивалась как однозначно угрожающая. Никаких предупреждений Зорге еще не было. Когда же стало ясно, что война на пороге, аэродромы уже были выведены из строя.

⁵⁶ ЦАМО РФ, ф.127, оп.12915, д.364, л.1.

⁵⁷ ЦАМО РФ, ф.35, оп.11285, д.130, л.129.

⁵⁸ ЦАМО РФ, ф.208, оп.2589, д.91, л.10.

Помимо объективных факторов имелись и субъективные. Как отмечалось в отчете штаба ВВС Западного фронта, написанном по итогам боев: «На дислокацию авиации ЗапОВО к началу войны сильно повлиял испанский опыт, который усиленно насаждал тогдашний командующий ВВС округа Копец, растыкивая истребительную авиацию по всей границе, без глубины»⁵⁹. В условиях статичного, малоподвижного фронта, характерного для Испании это, может быть, было неплохим решением. В условиях маневренного сражения, навязанного советским войскам в Белоруссии группой армий «Центр», приближение аэродромов к границе было злом.

Завершая разговор об авиасоединениях Западного особого округа хотелось бы остановиться на системе управления и подчинения полков и дивизий. К началу войны советская фронтовая авиация, предназначенная для совместных действий с сухопутными войсками, была представлена собственно фронтовой, армейской и войсковой авиацией. В современном понимании этого термина, к «фронтовой авиации» относятся все три группы. Поэтому целесообразнее называть фронтовую авиацию 1941 г. фронтовой группой авиации. Армейская авиация в составе смешанных авиационных дивизий подчинялась непосредственно армиям, точнее командующим ВВС общевойсковых армий. Фронтовая группа авиации, состоявшая из истребительных и бомбардировочных авиационных дивизий, подчинялась командованию фронта. Войсковая авиация это корректировочные эскадрильи и эскадрильи связи на самолетах У-2.

В приложении к конкретному Западнему особому военному округу это означало следующее. Три авиасоединения (9, 10 и 11 смешанные авиадивизии) находились в подчинении командующих 10, 4 и 3-й армий соответственно. В прямом подчинении командования фронтом оставались 12-я и 13-я бомбардировочные дивизии, 43-я истребительная авиадивизия, 3-й авиакорпус (двухдивизионного состава) дальней авиации и ряд отдельных полков.

Подобная схема, фактически, распыляла силы ВВС фронта, размазывая половину боевых самолетов по армиям. Командование фронта не имело возможности осуществить массирование ВВС в своих руках на важнейшем направлении. В отражении удара противника или в поддержке контрудара могла принять участие авиация армии, в полосе которой происходили эти события и авиация фронта. В это же время на более спокойных участках фронта подчиненная армиям авиация бездействовала или занималась решением малозначительных задач. От этого ушли только в мае 1942 г., когда были созданы воздушные армии. Они объединяли все авиадивизии фронта в одну организационную структуру и облегчали маневр авиацией и в наступлении, и в обороне.

Так сложилось, что во времена «холодной войны» соревнование между двумя системами проходило, к счастью, не на поле боя, а в конструкторских бюро и в заводских цехах. Производилось вооружение, которое вскоре становилось политическим аргументом в противостоянии сверхдержав. Достаточно вспомнить хрущевское высказывание «мы производим ракеты как сосиски». Новые средства нападения порождали новые средства защиты – перехватчики, ракеты и радиоэлектронные средства. Напряженное соперничество в технической сфере порождало ревнивую и скрупулезную систему защиты своих секретов. Все это привело к выдвижению ВПК на передовую линию «холодной войны». Побочным эффектом этого явления стал весьма своеобразный взгляд на события прошлого. Соперничество сегодняшнее требовало воспеания успехов в этом соперничестве вчера.

За примерами далеко ходить не надо. Академик Самсонов писал в изданной в 1980 г. 50-тысячным тиражом книге о войне: «В 1940 г. начался выпуск тяжелых танков КВ и средних танков Т-34, лучших тогда в мире по своим боевым качествам»⁶⁰. Ему вторит В. А. Анфилов:

⁵⁹ ЦАМО РФ, ф.208, оп.2589, д.91, л.10.

⁶⁰ Самсонов А.М. Крах фашистской агрессии 1939-1945. М.: Наука, 1980, С.123-124.

«Танк Т-34 на протяжении всей войны был лучшим танком в мире»⁶¹. Вопрос о том, как с такими замечательными танками мы дошли до катастрофы 1941 г. повисал в воздухе.

Однако еще осенью 1940 г. по результатам испытаний танка Т-34 были сделаны следующие малоутешительные выводы:

«В представленном на испытания виде танк Т-34 не удовлетворяет современным требованиям к данному классу танков по следующим причинам:

а) огневая мощь танка не может быть использована полностью вследствие непригодности приборов наблюдения, дефектов вооружения и оптики, тесноты боевого отделения и неудобства пользования боеукладкой.

б) При достаточном запасе мощности двигателя и максимальной скорости, динамическая характеристика танка подобрана неудачно, что снижает скоростные показатели и проходимость танка.

в) Тактическое использование танка в отрыве от ремонтных баз невозможно, вследствие ненадежность основных узлов – главного фрикциона и ходовой части».

Также серьезным недостатком как Т-34, так и КВ был недостаточный ресурс двигателя В-2. Гарантийный срок в 100 часов для маневренных сражений был явно недостаточен.

Помимо танков безудержному восхвалению подверглась авиатехника. В 12-томной «Истории второй мировой войны» утверждалось:

«Новые советские боевые машины по своим летно-техническим данным были на уровне требований времени, а некоторые – лучшими в мире. Например, МиГ-3 превосходил по боевым характеристикам самолеты такого же типа Англии, США и Германии»⁶²

Заметим, что сравнивается самолет не только с авиацией тогдашнего противника, Германии, но и с потенциальными противниками «холодной войны» – США и Англией. Реактивные МиГи были основой ВВС СССР и репутация КБ Микояна должна была быть безупречной. Можно даже сказать, что ВПК в целом был священной коровой советской историографии. Однако одновременно возникали трудности с объяснением неудач лета 1941 г. Появилась легенда о «спящих аэродромах», на которых прекрасная техника была уничтожена одним ударом.

Более очевидный тезис «Может быть, новые самолеты не были так хороши, как нам рассказывают?» оказался обойденным. Пора признать, что в действительности продукция советских военных заводов 1941 г. была далека от идеала.

Западного особого военного округа проблемы с самолетами новых типов касались самым непосредственным образом. В докладной записке начальника 3-го отдела ЗапОВО П. Г. Бегмы секретарю ЦК КП (б) Белоруссии П. К. Пономаренко от 17 июня 1941 г. указывалось:

«Истребительные авиационные полки 9 смешанной авиационной дивизии – 41, 124, 126 и 129 для перевооружения получили 240 самолетов МиГ-1 и МиГ-3.

В процессе освоения летно-техническим составом самолета МиГ-1 – МиГ-3 по состоянию на 12.6.41 г. произошло 53 летных происшествия. В результате этих происшествий полностью разбито и ремонту не подлежит 10 самолетов, 5 требуют заводского ремонта и 38 самолетов требуют крупного ремонта в авиационных мастерских. Итого выведено из строя 53 самолета.

По различным заводским дефектам самолета и мотора временно непригодны к эксплуатации свыше 100 самолетов. Таким образом, в настоящее время на все полки 9 смешанной

⁶¹ Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны (22 июня – середина июля 1941 года). Военно-исторический очерк. – М.: Воениздат, 1962, С.22.

⁶² История второй мировой войны 1939–1945 гг. в 12 томах. Том 3. Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. – М.: Воениздат, 1974, С.382.

авиадивизии имеется исправных 85–90 самолетов на 206 летчиков, вылетевших на самолетах МиГ-1 и МиГ-3»⁶³.

Такая, прямо скажем, неприглядная картина требовала разъяснений. Один из ответов читатели уже могут дать с ходу – в 9-й САД три истребительных полка из четырех были нового формирования. При этом учились они на И-16 и И-153, по состоянию на 1 октября 1940 г. в 9-й САД не было ни одного нового самолета. Однако также новые машины преследовали серьезные технические проблемы. Товарищ Бегма на них не поскупился на их описание. Неисправности были в основном следствием производственных дефектов моторов МиГ-ов. Они же были причиной ряда аварий в воздухе. Однако помимо промахов производителей сама конструкция нового истребителя оставляла желать лучшего. МиГи были отнюдь не подарком даже для не избалованных легкими в управлении самолетами пилотов ВВС РККА. Бегма привел мнение одного из опытейших летчиков округа, летавшего на истребителях 11 лет, командира 124-го полка майора Полунина. Он высказался о МиГах следующим образом:

«Самолет на пилотаже требует большого внимания, т.к. при малейших несоординированных действиях летчика самолет немедленно срывается в штопор, а вывод из штопора сложен и для этого понадобится много высоты. На посадке самолет не терпит даже малейших ошибок летчика в технике пилотирования. Самолет держится только на моторе, а мощность мотора АМ-35а для этого самолета недостаточна.

[...]

Опыт освоения и выполнения задач на боевое применение показывает, что самолет МиГ-1 – МиГ-3 рассчитан на летчика, имеющего оценки техники пилотирования на самолете И-16 не ниже «хорошо». Среднему летчику овладеть техникой пилотирования на самолете МиГ-1 – МиГ-3 трудно и не без риска для жизни».

Сложность пилотирования новых истребителей и многочисленные производственные дефекты порождали недоверие к самолету. Причем это касалось как рядовых летчиков, так и командиров соединений. На момент написания доклада сам командир 9-й авиадивизии генерал-майор Черных вылетал на МиГе всего два раза, в марте 1941 г. Одна из двух посадок генерала-летчика граничила с полomкой. Имея такой, безусловно, отрицательный опыт, что он мог требовать от своих подчиненных? Тем более из новых полков.

Так или иначе, боевой потенциал 9-й авиадивизии был существенно снижен «детскими болезнями» новой техники. Возможно, часть вышедших из строя истребителей была отремонтирована к началу войны. С другой стороны, список летных происшествий также мог пополниться новыми случаями. Таким образом, формально многочисленная авиадивизия генерала Черных могла выставить в случае войны менее сотни новых истребителей.

По состоянию на середину мая 1941 г. к изучению боевого применения МиГов 9-я САД еще не приступала. Когда же началась боевая учеба, они преподнесли немало неприятных сюрпризов. Неважные пилотажные качества новых истребителей усугублялись недостатками вооружения. В том же докладе П. Г. Бегмы отмечалось: «При пристрелке пулеметов БС в апреле-мае месяцах с.г. большинство пулеметов по различным заводским дефектам совершенно не стреляли». У МиГа оставались еще 7,62-мм пулеметы ШКАС, но и с ними не все было в порядке. Так еще до войны в докладе о состоянии 9-й САД в качестве серьезного недостатка новой матчасти указывалось: «Установки пулеметов ШКАС заводом №1 не отлажены в результате пулеметы не стреляют или дают сплошные задержки»⁶⁴. Предвоенные оценки были вскоре подтверждены опытом войны. В отчете штаба ВВС Западного фронта за 1941 г. прямо указывалось, что стрелковое вооружение новых самолетов давало большое количество отка-

⁶³ Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 г.). Документы и материалы. Минск, НАРБ, 2007, С.380.

⁶⁴ ЦАМО РФ, ф.127, оп.12915, д.364, л.9.

зов. В отношении истребителей Микояна отмечалось: «На самолетах МиГ-3 на первых сериях были плохо подогнаны головки питания к пулеметам ШКАС, рукава питания к головкам и не отработана синхронная передача». Вкупе с проблемами с 12,7-мм БС неотработанная подача на 7,62-мм ШКАС делала МиГи «голубем мира». В связи с этим трудно осуждать генерала Черных за накопление на аэродромах двух комплектов самолетов – старых и новых. В случае войны выбор между скоростным «голубем мира» и медлительной, но способной стрелять «чайкой», был однозначен. К тому же за время формирования с 1940 г. летчики «100-х» авиаполков 9-й САД старую матчасть все же освоили, в том числе боевое применение.

Впрочем, со старой матчастью тоже были свои проблемы. В 33-м авиаполку 10-й САД остались пожилые «ишачки» – истребители И-16 тип 5 выпуска 1936–37 гг. Они постоянно выходили из строя из-за сильной изношенности. О «чайках» 123-го авиаполка той же авиадивизии было сказано: «Самолеты И-153 М-63 – в хорошем состоянии из-за конструктивных недостатков мотора М-63 боевое применение ограничено»⁶⁵. Пожалуй самых добрых слов перед войной заслужили бомбардировщики СБ. Также полки СБ авиадивизий ЗапОВО в большинстве своем имели боевой опыт Финской войны.

Вообще читая сухие формулировки «совершенно не стреляли», «дают сплошные задержки» и «трудно и не без риска для жизни» остается только позавидовать мужеству тех, кто воевал на этой технике.

В предполье. Самым амбициозным предвоенным проектом стали не бетонные ВПП на аэродромах и даже не перевооружение армии на самозарядные винтовки. Им стало строительство укреплений на новой границе, получивших неофициальное наименование «линия Молотова». УРы (укрепленные районы) на новой границе начали строиться с 1940 г. Рекогносцировка границы на предмет строительства УРов началась под руководством лучших советских инженеров-фортификаторов, в том числе генерала Д.М.Карбышева, уже осенью 1939 г. Как правило, укрепрайон по фронту достигал 100–120 км и состоял из 3–8 узлов обороны. Каждый узел обороны состоял из 3–5 опорных пунктов. Узел обороны укрепрайона занимался отдельным пулеметно-артиллерийским батальоном. Система УРов на новой границе получила неофициальное наименование «линия Молотова». Она должна была стать созданной по последнему слову тогдашней фортификационной техники системой линией обороны, надежной опорой приграничных армий. ДОТы на «линии Молотова» были защищены стенами толщиной 1.5–1.8 м, а толщину перекрытий до 2.5 м. Если лишь небольшая часть ДОС «линии Сталина» на старой границе была артиллерийскими, то на «линии Молотова» орудиями калибра 76.2 мм и 45 мм предполагалось почти половину сооружений. Артиллерийское вооружение имелось не только в большем количестве, но и в лучшем качестве. Высокую оценку немцев впоследствии получили шаровые установки 76.2-мм капонирных орудий Л-17, эффективно защищавшие гарнизоны артиллерийских ДОТов от огнеметов. Кроме того, УРы «Линии Молотова» помимо 45 мм и 76.2 мм орудий, установленных в ДОТах, имели и собственные артиллерийские части с гаубичной артиллерией.

«Линия Молотова» могла сыграть важную роль в начальный период войны при выполнении двух условий. Во-первых, она должна была быть достроена, а во-вторых, УРы должны были быть заняты войсками, а не только гарнизонами сооружений. Однако хотя УРы ЗапОВО были в достаточно высокой степени готовности, число построенных и боеготовых сооружений было невелико (см. таблицу). Также не все из построенных ДОС успели вооружить.

Таблица. Укрепленные районы ЗапОВО.

⁶⁵ ЦАМО РФ, ф.127, оп.12915, д.364, л.17.

	Фронт, км	Число узлов обороны	Количество ДОС		
			строя- щиеся	построен- ные	боего- товые
Гродненский (68)	80	9	606	98	42
Осовецкий (66)	60	8	594	59	35
Замбровский (64)	70	10	550	53	30
Брестский (62)	120	10	380	128	49

Хотя по плану Брестский УР не должен был быть самым сильным, фактически в июне 1941 г. он был лидером по числу построенных сооружений. Однако не все построенные ДОТы были обсыпаны и замаскированы. Отсутствие земляной обсыпки не только маскировало бетонные коробки, но и закрывало трубы подходивших к ним кабелей. Впоследствии трубы коммуникаций стали «ахиллесовой пятой» многих ДОТов, позволявших немцам подрывать их или вводить внутрь сооружений огнеметы.

Последние мирные дни.

До начала войны тем временем оставались уже считанные дни. Бесконечно водить за нос советское военное и политическое руководство немцы, разумеется, не могли. Сообщения разведки становились все тревожнее. Получив в ответ на сообщение ТАСС от 14 июня гробовое молчание, Сталин принял решение нажать «красную кнопку», запускающую процесс развертывания войск Красной армии. В приложении к особым округам нажатие «красной кнопки» означало выдвижение соединений из глубины построения войск округа. «Начиная с середины июня 1941 г. по решению командующего ЗапОВО генерала армии Д.Г. Павлова 21, 47 и 44 стрелковые корпуса начали выдвижение из районов постоянной дислокации, удаленных на 400–600 км от границы (Полоцк, Витебск, Лепель, Смоленск, Могилев, Бобруйск), ближе к границе в районы, удаленные от нее на 100–300 км (Лида, Барановичи, Минск)»⁶⁶. Приказ на выдвижение ближе к границам 47-го стрелкового корпуса был отдан руководством ЗапОВО 21 июня 1941 г. Однако «красная кнопка» была нажата немцами намного раньше, и опередить их в выдвижении к границе главных сил для первой операции было уже невозможно.

Последним импульсом для принятия решений стали показания перебежчика Альфреда Лискова. Г. К. Жуков вспоминал: «Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик – немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас же доложил наркому и И. В. Сталину то, что передал М. А. Пуркаев.

– Приезжайте с наркомом минут через 45 в Кремль, – сказал И. В. Сталин.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность».

Так через немецкого ефрейтора Сталин узнал общее содержание обращения Гитлера. Немедленного решения на совещании не последовало. Поначалу Сталин выразил сомнения относительно достоверности сведений, сообщенных перебежчиком. Нарком обороны С.К. Тимошенко высказал мнение, которое поддерживали все присутствующие люди в военной форме: перебежчик говорит правду. Им было предложено дать в округа директиву о приведение войск в боевую готовность. Однако этот вариант был сочтен Сталиным преждевременным. Надежда на мирное разрешение кризиса еще оставалась и было решено ввести в распоряжение войскам уточнение относительно возможных провокаций противника. Т.е. советским руководством не исключался вариант, когда немцы отдельными выпадами 22 июня могло вынудить командиров приграничных частей и соединений нанести авиаудары или же перейти границу. В этом случае был бы создан *casus belli* (повод для войны), оправдывающий вторжение в глазах мирового сообщества. Крупномасштабные боевые действия в этом случае начались бы не 22 июня, а 25 или 26 июня, после обширной пропагандистской кампании в прессе, разоблачающей «красных варваров». Как мы знаем сегодня, немцы такой вариант не рассматривали. Но вечером 21 июня на совещании в Кремле это было совсем не очевидно.

Сообразно этим предположениям директива была доработана. В итоге в войска был направлен документ, оставшийся в истории как Директива №1. В нем говорилось:

«Военным советам ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота.

1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

⁶⁶ Хорьков А.Г. Грозовой июнь. М.: Воениздат, 1989. С. 176.

2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточено и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко. Жуков.

21.6.41г.».

С этой директивой Н. Ф. Ватутин немедленно выехал в Генеральный штаб, чтобы тотчас же передать ее в округа. Передача в округа была закончена в 00.30 минут 22 июня 1941 года.

Командующий округом генерал армии Д.Г.Павлов провел вечер 21 июня за сугубо мирным занятием. В то время, как немецкие солдаты слушали обращение Гитлера, командующий Западным особым военным округом в Минске наслаждался представлением куда более приятным. Вместо выслушивания пафосных банальностей глухим от волнения голосом ротного он смотрел «Тартюфа» – в Минске гастролировал Московский Художественный театр. Посмотреть на игру московских знаменитостей пришли первые лица республики, гражданские и военные. Помимо Павлова на спектакле присутствовал секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П.Пономаренко. Спектакль шел почти до полуночи и Павлов был вызван в штаб округа едва ли не из театральной ложи.

Однако к этому моменту катастрофическое развитие событий было уже predetermined. На позиции у границы с немецкой стороны выдвигалась группировка, пригодная для первой операции. Со стороны Западного особого военного округа (как, впрочем, и других округов) была жидкая завеса войск мирного времени. Полоса обороны 3-й армии (3 сд, 2 тд, 1 мд) достигала 120 км, 10-й армии (6 сд, 2 кд, 4 тд, 2 мд) – 200 км и 4-й армии (3 сд, 2 тд, 1 мд) – 150 км. Можно сравнить это с нарядом сил на проведение первой операции по разным версиям «Соображений...». Вместо максимально урезанного наряда сил из 31 стрелковой дивизии по майским «Соображениям...» в округе было всего 24 стрелковых дивизии, причем растянутые в глубину. В итоге на границе в полосе Западного особого округа в среднем на стрелковую дивизию приходилось 36 км, в 3-й армии – 40, 10-й – более 33, в 4-й – 37,5 км. Называется такая ситуация «упреждение в развертывании». Все предвоенные планы сразу стали пшиком. Войска в первые дни пытались выполнять планы прикрытия, но перед лицом главных сил противника к ним был вполне применим эпитет Сандалова «нереальные»

Глава 3. Шок первых дней

На всем советско-германском фронте была одна точка, в которой события разворачивались по наихудшему сценарию. Это была Брестская крепость. В 24.00 21 июня командир и начальник штаба 4-й армии, А.А.Коробков и Л.М.Сандалов, а несколько позднее и остальные офицеры армейского управления были вызваны по приказанию начальника штаба округа в штаб армии. Никаких конкретных распоряжений штаб округа не давал, кроме как «всем быть наготове». Коробков под свою ответственность приказал разослать во все соединения и отдельные части опечатанные «красные пакеты» с инструкциями о порядке действий по боевой тревоге, разработанными по плану прикрытия.

Далее последовала задержка, ставшая роковой. Примерно в 2 часа ночи 22 июня прервалась проводная связь штаба армии с округом и войсками. Связь удалось восстановить только в 3.30. Порыв проводов связисты обнаружили в Запрудах и Жабинке. В соседней 10-й армии все было точно так же: в полночь были вызван в штаб командующий, ожидавший у аппарата ВЧ дальнейших распоряжений. Распоряжение от Д.Г.Павлова последовало в промежуток между 2.00 и 2.30, и было вовремя принято штабом 10-й армии. Командующий округом, становящегося Западным фронтом, приказывал поднимать части по «красному пакету», предупредив, что подробная шифровка последует позднее. Строго говоря, кремлевские метания с тем, в какой форме поднимать войска были сглажены в процессе передачи Директивы №1 в округа. Соединения фактически просто поднимались по тревоге и должны были действовать по планам прикрытия. Но в 4-й армии все пошло не так, как у ее соседей...

После восстановления связи в 3.30 командующий армией получил переданное открытым текстом по телеграфу (БОДО) приказание командующего войсками Западного особого военного округа о приведении войск в боевую готовность. Находившаяся в худшем положении относительно своих соседей 4-я армия с запертыми в мышеловке Брестской крепости частями получила приказ на час позже. Павлов требовал в первую очередь бесшумно вывести из Брестской крепости «пачками» 42-ю стрелковую дивизию и привести в боевую готовность 14-й механизированный корпус; авиацию разрешалось перебазировать на полевые аэродромы. Но времени на все это уже не оставалось. До 3.45 Коробков лично по телефону отдал два приказа: начальнику штаба 42-й стрелковой дивизии поднять дивизию по тревоге и выдвигать ее из крепости в район сбора; командиру 14-го механизированного корпуса привести корпус в боевую готовность.

Естественно, что вывести из крепости части 42-й стрелковой дивизии до начала военных действий уже не успели. На вывод войск из крепости требовалось три часа. Более того, вывод не успел начаться. Едва начальник штаба 42-й дивизии майор В.Л. Щербаков собрал командиров частей для передачи им соответствующих распоряжений, как с другой стороны границы загрохотали залпы артиллерии XII корпуса. Устойчиво работающая после рокового часового перерыва связь теперь использовалась для передачи только плохих вестей. В 4.15–4.20 Щербаков уже сообщил в штаб 4-й армии, что противник начал артиллерийский обстрел Бреста. Хорошо знавшие крепость офицеры штаба прекрасно понимали, что это означает: мышеловка захлопнулась. Приказание о приведении в боевую готовность дивизий 14-го механизированного корпуса, отданное в 3.30, передать в части до начала артиллерийской подготовки также не успели.

Ситуация была несколько сглажена тем, что перед войной на учения из крепости вывели десять из восемнадцати батальонов 6-й и 42-й стрелковых дивизий. В момент начала немецкой артиллерийской подготовки в цитадели Брестской крепости находились следующие части и подразделения: 84-й стрелковый полк без двух батальонов, 125-й стрелковый полк без одного батальона и саперной роты, 333-й стрелковый полк без одного батальона и саперной роты, 131-й артиллерийский полк, 75-й отдельный разведывательный батальон, 98-й отдельный диви-

зион ПТО, штабная батарея, 37-й отдельный батальон связи, 31-й автомобильный батальон и тыловые подразделения 6-й стрелковой дивизии, 44-й стрелковый полк без двух батальонов (в форту 2 км южнее крепости), 455-й стрелковый полк без одного батальона и саперной роты (один батальон из оставшихся в крепости размещался в форту 4 км северо-западнее Бреста), 158-й автомобильный батальон и тыловые подразделения 42-й стрелковой дивизии. В крепости находились также штаб 33-го окружного инженерного полка с полковыми подразделениями, половина окружного (т.е. подчиненного округу) военного госпиталя на острове Госпитальном и пограничная застава на острове Пограничном.

Необычность первым часам войны на восточном фронте придавала звенящая тишина, если можно применить этот термин к звукам боя. Однако для опытного уха это была именно тишина. Германские войска на большинстве участков наступления встретила лишь стрельба из стрелкового оружия. Если в дальнейшем ужасающий грохот советской артиллерии и протяжный вой «сталинских органов» станут неизменным спутником сражений на советско-германском фронте, то первый день войны был в этом отношении необычно тихим.

Немецкая 4-я армия докладывала: «Пограничные укрепления в основном не заняты. Действия артиллерии крайне слабые, также как и действия бомбардировочной авиации»⁶⁷. Рефреном в донесениях за 22 июня звучат фразы «малое количество артиллерии», «действия артиллерии и авиации слабые». Удивленные немцы пытались делать выводы о причинах происходящего. В журнале боевых действий VII армейского корпуса отмечалось «Почти не участвующая в боях вражеская артиллерия демонстрирует, что дивизии противника имеют большую ширину и глубину построения». Причины между тем были достаточно очевидны – упреждение Красной армии в развертывании. Именно это привело к «большой ширине и глубине построения». Непосредственно у границы находились только отдельные подразделения дивизий армий прикрытия и саперы, строившие укрепления «линии Молотова». В первые часы войны в бой успевала вступить в лучшем случае дивизионная артиллерия подходов к границе стрелковых дивизий. Тяжелая артиллерия корпусных артополков и артополков РГК еще не успела сказать свое веское слово.

Молчание советской артиллерии 22 июня отметил даже фон Бок в своем дневнике: «Удивляет то, что нигде не заметно сколько-нибудь значительной работы их артиллерии. Сильный артиллерийский огонь ведется только на северо-западе от Гродно, где наступает VIII армейский корпус».

Напротив, с немецкой стороны грохотала артиллерия всех калибров. Для бомбардировки Брестской крепости немцами было подготовлено одно из самых мощных орудий своего времени – 600-мм самоходная мортира «Карл». К июню 1941 г. в Германии было две батареи «Карлов», объединенных в 833-й тяжелый артиллерийский дивизион. «Карлы» было решено использовать для штурма советских приграничных укреплений. Первая батарея (два орудия) с 60 снарядами была направлена в 17-ю армию группы армий «Юг», а вторая батарея с 36 снарядами – в 4-ю армию группы армий «Центр». Орудия были доставлены по железной дороге на станцию Тересполь за два дня до начала «Барбароссы». Разгрузку монстров прикрывали от наблюдения с советской стороны границы специальными маскировочными масками. В ночь с 21 на 22 июня они были выдвинуты на огневые позиции. 22 июня мортира №4 выпустила три снаряда, мортира №3 – четыре. После этого возникли проблемы с застреванием снарядов в стволе, и следующие выстрелы гигантских мортир прозвучали 23 июня. Впоследствии при осмотре цитадели Брестской крепости были обнаружены следы попаданий «Карлов». Воронки достигали диаметра 15 м при глубине 5 м в достаточно плотном грунте. Взрыв снаряда «Карла» поднимал столб дыма и пыли высотой 170 метров и по отзывам немцев оказывал «большой психологический эффект». «Карлы» позволяли проламывать прочные стены и перекрытия тол-

⁶⁷ ЦАМО РФ, ф.500, оп.12462, д.547, л.7

щиной до 2 метров, против которых были неэффективны 210-мм снаряды. Помимо экзотических сверхтяжелых орудий в распоряжении штурмующих крепость немецких войск в изобилии имелось обычное вооружение: орудия 150-мм и 210-мм калибра, а также реактивные минометы «небельверфер» Ю в том числе калибром 280-мм. Последние немецкие солдаты называли Stuka zu fuss, «"Штука" (пикирующий бомбардировщик) пешком», за его высокую огневую мощь.

В кратком боевом отчете о действиях 6-й стрелковой дивизии первый страшный удар противника был описан следующим образом:

«В 4 часа утра 22 июня был открыт ураганный огонь по казармам, по выходам из казарм в центральной части крепости, по мостам и входным воротам и домам начальствующего состава. Этот налет внес замешательство и вызвал панику среди красноармейского состава. Командный состав, подвергшийся в своих квартирах нападению, был частично уничтожен. Уцелевшие командиры не могли проникнуть в казармы из-за сильного заградительного огня, поставленного на мосту в центральной части крепости и у входных ворот. В результате красноармейцы и младшие командиры без управления со стороны средних командиров, одетые и раздетые, группами и поодиночке, выходили из крепости, преодолевая обводный канал, реку Мухавец и вал крепости под артиллерийским, минометным и пулеметным огнем. Потери учесть не было возможности, так как разрозненные части 6-й дивизии смешались с разрозненными частями 42-й дивизии, а на сборное место многие не могли попасть потому, что примерно в 6 часов по нему уже был сосредоточен артиллерийский огонь».

Снаряды сыпались не только на казармы. Все выходы из бастионного кольца крепости находились под таким сильным артиллерийским, минометным, а позже и пулеметным огнем, что 98-й отдельный дивизион ПТО при попытке прорваться из крепости был почти целиком уничтожен. В итоге бойцы и командиры 6-й и 42-й стрелковых дивизий остались в крепости не потому, что они имели задачу оборонять крепость (по плану на это выделялся один батальон), а потому, что не могли из нее выйти.

Все, что находилось вне прочных казематов крепости, было сметено огнем. Артиллерия, находившаяся в открытых парках крепости, в большей своей части была уничтожена. Рядом с орудиями у коновязей стояли лошади артиллерийских и минометных частей и подразделений дивизий. Несчастные животные были уже в первые часы войны перебиты осколками. Автомашины частей обеих дивизий, стоявшие в объединенных открытых автопарках, сразу же запылали.

Дальнейшие события в Брестской крепости достаточно хорошо известны и поэтому не буду на них останавливаться. С точки зрения нашего повествования интересен следующий факт: германская 45-я пехотная дивизия XII корпуса надолго завязла в боях за крепость и поэтому не участвовала в сражении на окружение под Волковыском.

2-я танковая группа. Низкий старт.

Судьба плана наступления группы армий «Центр» в значительной степени зависела от быстроты и эффективности действий двух танковых групп. Оставив Брестскую крепость на растерзание пехоты, 2-я танковая группа выходила на позиции к северу и югу от Бреста. Гудериан вспоминал: «В роковой день 22 июня 1941 г. в 2 часа 10 мин. утра я поехал на командный пункт группы и поднялся на наблюдательную вышку южнее Богукалы (15 км северо-западнее Бреста). Я прибыл туда в 3 часа 10 мин., когда было темно. В 3 часа 15 мин. началась наша артиллерийская подготовка. В 3 часа 40 мин. – первый налет наших пикирующих бомбардировщиков. В 4 часа 15 мин. началась переправа через Буг передовых частей 17-й и 18-й танковых дивизий. В 4 часа 45 мин. первые танки 18-й танковой дивизии форсировали реку. Во время форсирования были использованы машины, уже испытанные при подготовке плана «Морской лев». Тактико-технические данные этих машин позволяли им преодолевать водные рубежи глубиной до 4 м»⁶⁸.

Тогда, ранним утром 22 июня Гейнц Гудериан вряд ли действительно считал наступающий день роковым. Любые позднее описанные предчувствия были лукавством. Немецкие военачальники были уверены в своих силах и способностях. За их спиной были громкие победы. Первые часы «похода на восток», к тому же, еще не внушали опасений. Напротив, поначалу успех даже превосходил самые смелые ожидания.

Первые дни войны на востоке. Маршевая колонна 3-й танковой дивизии.

Танки подводного хода, разумеется, дали силам вторжения весомое преимущество. Момент внезапности был ими использован в полной мере. Подразделение «ныряющих» танков уже в 8.15 22 июня прорывается к важной переправе через реку Лесну к востоку от Буга и захватывает ее в неповрежденном состоянии. Об еще одной переправе через Лесну воздушная разведка докладывает – «Разрушена!» Однако «ныряльщики» в 9.45 опровергают это донесение, захватив переправу в неповрежденном состоянии. В отличие от советских специ-

⁶⁸ Гудериан Г. Указ. соч., С.208-209.

альных плавающих танков Т-37 и даже Т-40 немецкие танки аналогичного назначения были переделкой линейных машин. Поэтому они обладали всеми боевыми возможностями обычных «троек» и «четверок», в том числе способностью полноценно вести бой с танками. Это понадобилось очень скоро: на пути передовых отрядов 18-й танковой дивизии появились советские танки. С боями они пробились до местечка Пелищи. Как было указано в журнале боевых действий XXXXVII корпуса по дороге они «разгромили несколько танковых отрядов противника численностью до 40 танков». Это был передовой отряд советской 30-й танковой дивизии С. И. Богданова. Основная масса соединения выдвигалась в точку общего сбора дивизий корпуса Оборина в Жабинке, поэтому первый танковый бой был скорее пробой сил сторон. Однако в промежуточном донесении группы армий «Центр» указывалось, что 18-я танковая дивизия «отразила сильную танковую атаку русских».

Точно так же, как на других направлениях, начало наступления соединений группы Гудериана южнее Бреста проходило в «артиллерийской тишине». В 3-й танковой дивизии XXIV моторизованного корпуса также были «ныряющие» танки. Однако ее командир, Вальтер Модель, будущий фельдмаршал, не стал надеяться на технику. Он добился от Гудериана разрешения захватить мост еще до первых выстрелов. Модель сформировал группу из саперов и пехоты, которая должна была пересечь мост еще до начала артиллерийской подготовки. Расчет на внезапность нападения полностью оправдался. Уже в 3.11 в штаб 2-й танковой группы было сообщено, что мост захвачен. В журнале боевых действий 3-й танковой дивизии указывалось: «Группа Клееманна докладывает, что впечатление о противнике «равно нулю». Только одиночный артиллерийский выстрел в районе моста Коден». Ей вторит журнал соседней 4-й танковой дивизии: «Мало русской артиллерии, нет русской авиации». Соппротивление наступлению было оказано только в 3–4 км к востоку от Буга.

Исторические события часто толкает вперед цепочка случайностей и действий, реального эффекта которых их участники не знают и даже не предполагают. Более того, сиюминутная оценка событий может быть прямо противоположной их действительному эффекту. Отрицательный опыт Гейнца Гудериана в штурме Брестской крепости в сентябре 1939 г. заставил его спланировать двойной обходной маневр. Вместо стремительного прорыва вдоль шоссе два его моторизованных корпуса были вынуждены продираться по трудной во всех отношениях местности к северу и югу от Бреста.

Бодро начав утром 22 июня «за здоровье» 2-я танковая группа стала быстро сбиваться на «за упокой». К северу от Бреста к полудню были построены переправы через Буг, но узким местом стали подъездные пути к ним. Ведущие от дорог с твердым покрытием к местам переправы пути проходили по заболоченной низине. Под гусеницами и колесами десятков машин они стремительно ухудшались. Тягачи 17-й танковой дивизии были вынуждены вытаскивать и тянуть к переправе застрявшие грузовики по дороге, которая допускала движение лишь в одном направлении. Вечером на переправе той же дивизии под танком проламывается мост, что сразу останавливает переправу на пять часов. Вырвавшиеся вперед на советскую территорию «ныряющие» танки остаются без заправки горючего и пополнения боекомплекта. В журнале боевых действий XXXXVII корпуса констатировалось: «К позднему вечеру 22 июня лишь малая часть обеих дивизий пересекла Буг». Можно себе представить, как был раздосадован Гудериан, прошедший всю первую половину дня как раз в корпусе Лемельзена. Туда же ездил командующий группой армий «Центр». Борьба с местностью на переправах происходила на его глазах.

Ситуация в XXIV моторизованном корпусе южнее Бреста была не лучше, а в чем-то даже хуже. Из воспоминаний Гудериана может сложиться превратная и чересчур благодная картина первого дня войны. Он пишет: «Внезапность нападения на противника была достигнута на всем фронте танковой группы. Западнее Брест-Литовска (Бреста) 24-м танковым корпусом были захвачены все мосты через Буг, оказавшиеся в полной исправности». Какой можно сде-

лать вывод из этой фразы? Ответ очевиден – после захвата мостов соединения корпуса безостановочно продвигались вперед. Однако это не так. Захваченных мостов было достаточно для переправы мотопехоты, а также легкой артиллерии. Для танков все равно нужно было строить 16-тонные мосты. Как говаривал Гудериан в другом своем произведении «победа идее по следам танков». Поэтому все утро 22 июня было потрачено на постройку мостов для них. Несмотря на то, что боевые действия начались в 3.15 утра 22 июня, переправа танков по свежестроенному мосту 4-й танковой дивизии начинается только в 10.30. Она растягивается на середину и вторую половину дня по той же причине, что и в XXXXVII корпусе – плохие дороги на берегу на подступах к переправам. В отдельных местах на песчаных дорогах машины приходилось буксировать поодиночке.

Однако даже после того, как с большим трудом танки удалось переправить через Буг, победа не спешила идти по следам «троек» и «четверок» XXIV корпуса. Попытки 3-й танковой дивизии Моделя следовать первоначальному плану наступления провалились. Их пришлось оставить ввиду непроходимости назначенных в плане дорог. На пути танков и автомашин встали болота и разлившиеся ручьи. Пришлось искать другие маршруты. Дивизия начала продвижение на Брест, сопровождавшееся постоянными столкновениями с разрозненными советскими частями, в том числе и танками злосчастной 22-й танковой дивизии. Крупных сил у 4-й армии здесь не было, но местность благоприятствовала обороне даже небольших отрядов. Далее 3-я танковая обошла Брест с юга и вышла восточнее города на Варшавское шоссе. Тем самым Модель оказался на маршруте, закрепленном за соседней 4-й танковой дивизией. Последняя была в первой половине дня надолго заперта очагом сопротивления советских войск. Несмотря на все приказы и запреты на войне часто действует принцип «кто раньше встал, того и тапки». Модель вышел на шоссе раньше и командир корпуса Гейер фон Швеппенбург был вынужден санкционировать смену плана наступления. В итоге два крупных танковых соединения двинулись гуськом по одной дороге. Можно было ожидать, что выскочившая на шоссе дивизия Моделя начнет безостановочное продвижение вперед.

Однако неприятности 3-й танковой дивизии на этом не закончились. В 16.50 воздушная разведка сообщила, что мост через Мухавец у Булково (к юго-востоку от Жабинки) горит. В журнале боевых действий соединения отмечалось, что этот мост «имеет громадную важность для дивизии». Уже смеркалось, когда голова гигантской стальной змеи из двух дивизий достигла Мухавца. От деревянного моста к тому времени остались только дымящиеся головешки. Мостовой парк опаздывает, застряв где-то в бесконечных пробках позади. Дальнейшее продвижение пришлось остановить. Через Мухавец поздним вечером, около 22.00, перебираются только «ныряющие» танки. Они двинулись на Кобрин, но это скорее была силовая разведка, нежели наступление.

Полковник Хорст Зобель, в 1941 г. командовавший танковым взводом в дивизии Моделя с досадой вспоминал: «Мы преодолели всего 18 километров, в то время как должны были пройти 80 километров!». В журнале боевых действий 3-й танковой дивизии даже появляется дышащая завистью фраза: «Движущиеся севернее Бреста танковые дивизии стремительно наступают, не встречая тех препятствий, которые приходится на долю 3-й и 4-й тд». Впрочем, надо сказать, что сам Гудериан, похоже, сам без энтузиазма относился к перспективами наступления южнее Бреста – целый день он провел в XXXXVII корпусе, а в XXIV даже не заглядывал. Пехотные дивизии XII армейского корпуса при всем старании не могли развить сравнимых с мехчастями темпов наступления. Сам Гудериан никак не комментировал скромных результатов наступления своей танковой группы в первый день войны. Более того, в мемуарах он вольно или невольно приписал своим войскам успех следующего дня. Резюмируя итог первого дня боев он походя заметил: «У Пружаны 18-я танковая дивизия вступила в первые бои с танками противника». В действительности (по донесениям корпуса) этот первый танковый бой состоялся у местечка Пелище, далеко к западу от Пружан. Более того, в подан-

ном поздно ночью донесении группы армий «Центр» о результатах дневных боев в качестве достижения 18-й танковой дивизии указывается «Поддубно», что тоже совсем не Пружаны, а заметно западнее. Одним словом, «быстрый Гейнц» 22 июня был совсем не так быстр как обычно. Фон Бок в своем дневнике был откровенен: «Мы продвигаемся вперед; больше всех в этом смысле преуспела танковая группа Гота, которая вечером перешла под прямое командование группы армий. У танковой группы Гудериана дела обстоят далеко не так гладко. Проблемы на переправах у Бреста – такие же, как у корпуса Лемельзена – затрудняют доставку горючего». 2-я танковая группа дебютировала без громких успехов, и вброс против нее крупных советских резервов мог быстро превратить Гудериана в аутсайдера. Все зависело от того, какой ход сделает его противник.

3-я танковая группа. Алитус.

Расположение советских частей на вильнюско-каунасском направлении утром 22 июня было типичным для приграничных армий. Из состава четырех стрелковых дивизий 11-й армии на границе находилось по одному полку, из состава пятой стрелковой дивизии – два батальона. Этой завесе противостояли пять армейских корпусов немецких 16-й и 9-й армий, а также два моторизованные корпуса 3-й танковой группы. Стоявшие на границе советские стрелковые полки были атакованы, по меньшей мере, двумя пехотными дивизиями каждый. В связи с этим общая «немота» советской артиллерии в полосе 3-й танковой группы была, пожалуй, выражена в наибольшей степени. В отчете группы по итогам боев указывалось: «На всех участках фронта противник оказывал слабое сопротивление, нигде не отмечались действия артиллерии противника»⁶⁹.

Методика наступления немецких танковых групп в первые дни войны с СССР напоминала принцип действия проходческого щита. При прокладке тоннелей ножевое кольцо щита вдавливают в грунт, а затем выбирается ограниченный кольцом цилиндр грунта. Немецкие танковые группы наступали двумя моторизованными корпусами на флангах и своего построения и армейским корпусом в центре. Танковые соединения пробивались в глубину обороны, а наступавшая в центре пехота перемалывала оказавшегося между двумя глубокими вклинениями противника. Такое построение позволяло рационально использовать дорожную сеть и повышало устойчивость к контрударам – внешние фланги моторизованных корпусов разделяло приличное расстояние. Перерубить «проходческий щит» фланговыми ударами было нетривиальной задачей.

Мост под Алитусом, захваченный неповрежденными частями немецкой 7-й танковой дивизии.

⁶⁹ ЦАМО РФ, ф.500, оп.12462, д.231, л.3.

В ограниченном пространстве в Прибалтике построение «проходческим щитом» не применялось, а все остальные танковые группы (3, 2 и 1-я) строились именно так. Внешние фланги 3-й танковой группы образовывали XXXIX и LVII моторизованные корпуса, а центр – пехота V армейского корпуса. На северном фланге стык с группой армий «Север» обеспечивал VI армейский корпус. Острие удара XXXIX моторизованного корпуса было нацелено на переправу через Неман у Алитуса, а 12-я танковая дивизия LVII корпуса двигалась к переправе через ту же реку у Меркине. Важным преимуществом танковой группы Гота было отсутствие водных преград прямо на границе. Танковым группам Гудериана и Клейста нужно было форсировать Буг, а на пути 3 ТГр такого препятствия не было.

Отсутствие необходимости форсировать водную преграду уже в первые часы боевых действий сделало продвижение танков и пехоты Гота особенно стремительным. Пограничные укрепления были взяты с ходу. Беспокойство вызвало только донесение воздушной разведки о мелких группах советских войск, отходящих к Неману. Задачей танковых дивизий становится возможно быстрый прорыв к реке, до того, как она станет устойчивым рубежом обороны.

Сгоревший на мосту у Алитуса немецкий танк Pz.IV.

Первой к Неману прорвалась 7-я танковая дивизия XXXIX корпуса. Около часу дня 22 июня она входит в западную часть Алитуса и захватывает оба моста через Неман в неповрежденном состоянии. Даже в не располагающем к эмоциям документе, журнале боевых действий 3-й танковой группы, относительно захвата мостов сказано: «На это не рассчитывал никто». Позднее немцы писали, что у пленного советского офицера-сапера был найден приказ, предписывающий взорвать мосты в 19.00 22 июня. Это позволило им пуститься в рассуждения относительно того, что «ни один советский войсковой начальник не принимал самостоятельного решения уничтожать переправы и мосты». Впрочем, давайте поставим себя на место этого офицера. Буквально только что по радио прозвучала речь Молотова. Первое впечатление – шок. Решиться на взрыв моста довольно далеко от границы через несколько часов после начала войны было не так-то просто. К глубоким прорывам противника еще только предстояло привыкнуть. Кроме того, через мосты отходили отступающие от границы советские части. Взрывать у них перед носом мосты было бы плохой идеей. Через два часа после успешного прорыва к Алитусу удача улыбается соседнему LVII корпусу: мотоциклисты захватывают переправу в Меркине. Все тщательно разработанные в штабе Гота планы строительства переправ взамен взорванных с облегчением откладываются в сторону. Могло показаться, что война с СССР станет очередным «блицкригом».

Сгоревший под Алитусом танк БТ. На заднем плане виден подбитый и сгоревший немецкий Pz.IV.

Надо сказать, что советская версия боя под Алитусом существенно отличается от нарисованной немцами картины быстрого захвата мостов. Так, согласно статье доктора исторических наук, профессора М. В. Ежова «Танковый бой первого дня войны» немцы были встречены огнем еще на подступах к Алитусу: «...по приказу командования 11-й армии 5-я танковая дивизия выдвинулась на западный берег Немана для обороны предмостных позиций...». Соответственно мосты согласно этой версии были взяты с боем, при интенсивной поддержке авиации: «...на позиции, занятые советскими танкистами на западном берегу Немана враги обрушили бомбовые удары, огонь артиллерии. Они несли тяжелые потери. Вражеским танкам удалось прорваться через мост на восточный берег Немана южнее Алитуса. Но они были сразу же контратакованы подразделениями 5-й танковой дивизии, которые смяли немецкие танки и ворвались в город». Такой сценарий не очень-то вязался с последующим продвижением немцев дальше к Минску. Поэтому тов. Ежов был снова вынужден бросить в бой многострадальные Люфтваффе: «исход боя решила авиация врага, непрерывно наносившая удары по нашим танковым подразделениям. Не имея прикрытия с воздуха, они понесли большие потери и к исходу дня вынуждены были вновь отойти на восточный берег Немана». Так немецкие ВВС становятся чудо-оружием, рассеивающим танковые соединения Красной армии с сотнями танков. Отказ от признания очевидного, утраты переправы под внезапным ударом, порождает необходимость дополнительных объяснений. Особенно неубедительно начинают звучать все эти объяснения на фоне полусотни танков Т-34, имевшихся в 5-й танковой дивизии к началу войны. Люди задаются вопросом: «Ладно, бессмысленные контрудары, но тут-то немцы сами на рожон перли!? Стой и расстреливай их с места!». На ходу появляется еще одно объяснение общей неудачи – недостаток броневой снарядов у Т-34. Все это наспех построенное здание рушится при попытке разобраться, откуда у Люфтваффе такая нечеловеческая эффективность? Потом на подобных недоговорках и натяжках пышным цветом расцветает конспирология.

Начальник штаба 3-го мехкорпуса П. А. Ротмистров, на которого ссылается в своей статье Ежов, никаких замысловатых причинно-следственных связей неуспеха не строит. В его воспоминаниях нет ни слова о боях на подступах к Алитусу, на западном берегу Немана. В «Стальной гвардии» Ротмистров пишет следующее: «Командир дивизии полковник Ф. Ф. Федоров успел выдвинуть к мосту у Алитуса только артиллерию 5-го мотострелкового полка, отдельный зенитно-артиллерийский дивизион и 2-й батальон 9-го танкового полка. Артиллеристы и танкисты, подпустив танки врага на 200—300 метров, открыли огонь прямой наводкой. За 30—40 минут боя они подбили 16 вражеских машин и на время задержали танковую колонну 39-го моторизованного корпуса фашистов»⁷⁰. В таком варианте противоречия с документами 3-й ТГр уже нет. Перечисленные части дивизии полковника Федорова выдвигаются к мосту уже после его захвата и задерживают развитие наступления с плацдарма на восточном берегу, подбив некоторое количество вражеских танков. При всех претензиях к Ротмистрову как к мемуаристу в целом, здесь он не дает повода усомниться в своих словах.

«Крупнейшая танковая битва за период этой войны». На переднем плане – PzKpfw38(t) с сорванной башней.

Если бы советская 5-я танковая дивизия успела выйти к мостам у Алитуса раньше, то форсирование Немана стало бы для передовых соединений 3-й танковой группы сложной задачей. Им бы пришлось продираться через энное количество разнокалиберных танков, и вряд ли она бы завоевала желтую майку лидера. Однако советские танки подошли к мостам уже тогда, когда они были заняты немцами. Поэтому для советских войск сражение развивалось по сценарию «атаки на плацдарм», а не «оборона предмостной позиции». Во второй половине дня 22 июня танкисты дивизии Ф. Ф. Федорова предприняли ряд атак на вражеские плацдармы, но все они были безрезультатны. Атакующие Т-34 были, разумеется, куда уязвимее занимаю-

⁷⁰ Ротмистров П.А. Стальная гвардия. – М.: Воениздат, 1984, С.51-52.

щих статичные позиции. Т.е. ответ на вопрос «А что случилось с 50 Т-34?» приобретает более простой и очевидный ответ.

С другой стороны, попытки немцев прорваться с плацдармов также были поначалу безуспешными. Установка сверху была соответствующая, командование танковой группы планировало «уже в первый день продвинуться так далеко на восток от Немана, насколько это вообще возможно». Однако советские танкисты заняли выгодные позиции на обратных скатах высот на подступах к Алитусу. Как вспоминал танкист 7-й танковой дивизии Хорст Орлов, попытка продвигаться на восток с южного плацдарма сразу привела к потере шести танков. Они стали жертвами советской танковой засады. Гот же продолжал требовать от всех своих корпусов «двигаться дальше на восток, не дожидаясь отставших дивизий. Вечером 22 июня – наступление до последней возможности». XXXIX корпусу предписывалось еще до конца дня прорваться до Вильнюса. Но ни о каком прорыве с двух удачно захваченных переправ пока не было и речи. Ситуация вошла в положение устойчивого равновесия. Советская сторона не могла ликвидировать плацдармы, немцы – «вскрыть» их. Особенно унижительно было то, что соседний LVII моторизованный корпус продвинулся дальше от Немана на восток, поздно вечером он достиг Варены, выполнив задачу дня.

Подбитый под Алитусом танк БТ-7.

Немецкий танк PzKpfw38(t) едет мимо горящего советского танка. На буксире у «чеха» – бочка с горючим. Район Алитуса.

Вечером к Алитусу подошли танки 20-й танковой дивизии. Они были направлены на северный плацдарм. При этом подошедшие танковые части передали часть своего боекомплекта танкистам дивизии Майнтойфеля – в результате тяжелого дневного боя они расстреляли большую часть боезапаса. Подход подкреплений изменил соотношение сил. Этим было решено воспользоваться и немедленно. Захват немцами сразу двух плацдармов на Немане дал им известную свободу выбора направления главного удара. Около 21.00 22 июня был «вскрыт» северный плацдарм. Советская 5-я танковая дивизия оказалась под угрозой удара во фланг и тыл. От идеи ликвидации немецкого плацдарма на Немане пришлось отказаться. Потрепанные части дивизии Федорова начали отход от Алитуса на северо-восток. Однако воспользоваться открывшимися возможностями дальнейшего продвижения на восток немцы воспользоваться уже не успевают. С наступлением темноты боевые действия прекращаются.

В вечернем донесении 3-й танковой группы бой под Алитусом был оценен как «крупнейшая танковая битва за период этой войны» для 7-й танковой дивизии. Имеется в виду, очевидно, не война с СССР, а Вторая мировая война, начавшаяся 1 сентября 1939 г. Потери советской 5-й танковой дивизии в донесении о бое в штаб группы армий «Центр» были оценены в 70 танков, в ЖБД 3-й ТГр – 80 танков. Соответственно собственные потери до донесению 3 ТГр составили 11 танков, включая 4 «тяжелых» (видимо речь идет о Pz.IV). Не совсем понятно, какие потери имеются в виду. Скорее всего – безвозвратные. Соответственно общие потери должны быть по крайней мере в два-три раза больше.. По советским данным из 24 участвовавших в бою танков Т-28 было потеряно 16, из 44 Т-34–27, из 45 БТ-7–30. Итого 73 машины, что вполне стыкуется с немецкими данными.

Нельзя сказать, что Гот был полностью удовлетворен результатами дня. Дело было даже не в том, что не удалось сразу прорваться с плацдармов у Алитуса на восток. В журнале боевых действий 3 ТГр по итогам дня было записано следующее: «Можно усомниться в том, было ли вообще необходимым и целесообразным введение в бой пехотных дивизий ввиду открывшегося теперь фактического положения противника». Из-за некоторой переоценки немецкой

разведкой противостоящих 3-й ТГр сил Красной армии ее построение «проходческим щитом» было неоптимальным с точки зрения обстановки.

Моторизованные корпуса Гота 22 июня были стиснуты между армейскими корпусами и глубоко эшелонированы в глубину. Неоспоримым плюсом такого положения было спокойствие за тыл, где еще оставались разрозненные советские части. В остальном сужение полос корпусов заключало в себе массу недостатков. Оно замедляло продвижение группы, а также лишало авангарды, встречавшие сопротивление противника, поддержки далеко отставшей артиллерии. Кроме того, жесткое разделение полос наступления исключало законные цели танков из ведения моторкорпусов. Так медленное продвижение VI АК к Приенау (он вышел к реке только 23 июня) привело к взрыву там единственного моста через Неман. Если бы к Приенау вышла танковая дивизия, то мост был бы захвачен уже в первые часы войны, когда Красная армия еще находилась в ступоре перехода от состояния мира к состоянию войны. Наилучшим вариантом для 3-й ТГр был бы прорыв на широком фронте к Неману моторизованными корпусами, с быстрым захватом всех переправ. Приходится в очередной раз констатировать, что перед нами далеко не «идеальный шторм».

Брошенный в капонире у южного моста в Алитусе танк Т-28.

Побудка в Гродно.

Если бы на территорию СССР вторглись бы только «профессиональные армии» в лице танковых групп, то с ними Красная армия бы еще справилась. Однако помимо моторизованных корпусов границу пересекла вязкая масса немецкой пехоты полевых армий. Они начали «поход на Восток» в одно время с танковыми группами – в 3.15 22 июня.

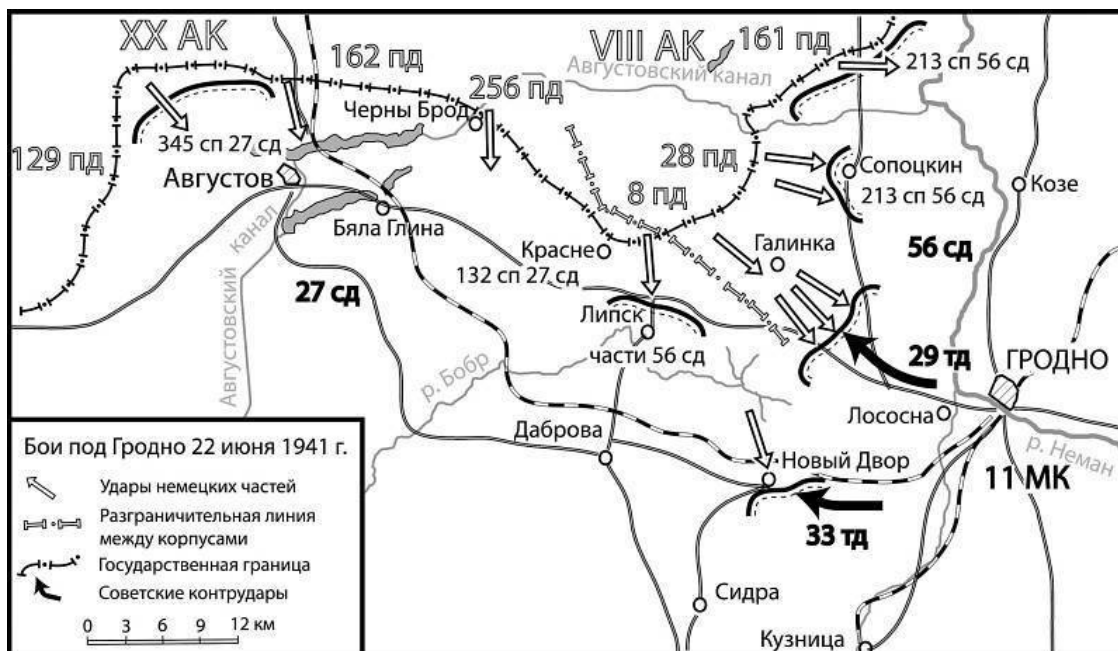
К полосе наступления 3-й танковой группы непосредственно примыкала полоса VIII армейского корпуса немецкой 9-й армии. Этот нацеленный на город Гродно корпус с самого начала обладал одним важным преимуществом. В отличие от своего соседа, XX корпуса, он большей частью располагался в выступе границы на южном берегу Августовского канала. Такой же выигрышный билетик вытянула левофланговая 256-я пехотная дивизия XX корпуса. Трем немецким дивизиям не требовалось форсировать канал под огнем и тратить время на постройку моста (мы уже знаем чем это чревато на примере группы Гудериана). При этом до Гродно было буквально рукой подать. В отчете штаба VIII корпуса, написанном по итогам боев, было сказано: «Дальнобойный настильный огонь корпусной артиллерии произвел успешную побудку в гродненских казармах»⁷¹. Мощный артиллерийский кулак вообще был важным преимуществом VIII корпуса: ему были приданы 14 дивизионов тяжелой и сверхтяжелой артиллерии, а также полк реактивных минометов. В их число входили: дивизион 150-мм пушек⁷², четыре дивизиона 210-мм гаубиц, дивизион 240-мм орудий и два дивизиона 305-мм орудий. VIII и соседний XX корпуса были единственными соединениями на восточном фронте на 22 июня 1941 г, располагавшими 12-дюймовой (305-мм) артиллерией.

В то время как дальнобойные орудия устраивали «побудку» в гродненских казармах, 240-мм и 305-мм снаряды обрушились на приграничные укрепления. Благодаря ужасающей силе огня пограничные укрепления были быстро преодолены и уже в 5.15 8-я пехотная дивизия доложила об их прорыве. На пути VIII корпуса остались лишь отдельные очаги сопротивления в ДОТах Гродненского укрепрайона.

Командир 28-й пехотной дивизии VIII корпуса в донесении о боях в районе Сопочкина писал: «На участке укреплений от Сопочкино и севернее... речь идет прежде всего о противнике, который твердо решил держаться любой ценой и выполнил это. Наступление по действующим в настоящее время основным принципам не давало здесь успеха... Только с помощью мощных подрывных средств можно было уничтожить один ДОТ за другим... Для захвата многочисленных сооружений средств дивизии было недостаточно». Советская тактика обороны в отчете описывалась следующим образом: «Гарнизоны укрывались при атаке в нижние этажи. Там их невозможно было захватить... Как только штурмовые группы откатывались, противник снова оживал и занимал амбразуры, насколько они были еще невредимы». Сопротивление отдельных ДОТов здесь продолжалось несколько дней, когда линия фронта далеко откатилась от границы.

⁷¹ ЦАМО РФ, ф.500, оп.12462, д.320, л.2.

⁷² Подчеркну: не гаубиц, а именно пушек. В Красной армии аналогом этих орудий была 152-мм пушка Бр-2 из знаменитого «триплекса».

Наступавшая справа от VIII корпуса 256-я дивизия также столкнулась с упорно обороняемыми ДОТами Гродненского УРа. В журнале боевых действий дивизии отмечалось: «В полосе 476-го пп, который наступает справа от 481-го пп через Красне и Липск, также дела сначала идут хорошо, однако в районе Красне полк оказывается втянут в серьезные бои за ДОТы, а в районе Липска сталкивается с мощным сопротивлением врага»⁷³. Однако пока одни батальоны ввязывались в бои за ДОТы, другие успешно преодолевали укрепления и в результате соединение в целом успешно продвигалось вперед.

Под градом ударов целостность советской обороны на гродненском направлении была нарушена. Две дивизии из VIII корпуса и одна из XX корпуса прорвались к шоссе Августов – Гродно и быстро продвигались на Гродно. Еще одна дивизия VIII корпуса наступала к Неману. Занимавшая оборону на широком фронте 56-я стрелковая дивизия 3-й армии не могла сдержать удара массы немецкой пехоты, поддержанной мощным артиллерийским кулаком. Сила артиллерии врага, надо сказать, была отмечена советской стороной. В очередном докладе 3-й армии в штаб Западного фронта звучали такие слова: «Противник применяет массовый артиллерийский огонь во взаимодействии с авиацией».

Развал обороны 56-й стрелковой дивизии под нажимом противника заставил В. И. Кузнецова принимать срочные меры по восстановлению целостности фронта обороны армии. Единственным подвижным резервом в его руках был 11-го механизированный корпус генерал-майора Д. К. Мостовенко. В первый день войны, с момента налета немецких самолетов на Волковыск в 4.00, связи со штабом 3-й армии и штабом округа не было, и части корпуса выступили самостоятельно в район Гродно согласно плану прикрытия. Это выдвижение вполне соответствовало идее командования по использованию мехкорпуса для подпирания фронта стрелковых частей. Подпорка, впрочем, была не лучшего качества. Как писал позднее Мостовенко, ввиду нехватки матчасти и вооружения в поход были взяты примерно 50 % личного состава соединений. Остальные были отправлены в тыл.

Из трех соединений 11-го мехкорпуса реально могли участвовать в бою 22 июня только два: 29-я и 33-я танковые дивизии. Из-за отсутствия автотранспорта 204-я моторизованная дивизия смогла выдвинуть к Гродно из места постоянной дислокации в Волковыске только

⁷³ Heydorn V.-D. Op. cit., S.186.

штаб и один батальон мотопехоты. Нехватка автомашин сказалась также на действиях танковых дивизий Мостовенко. Передвигавшаяся пешком пехота отставала от танков. Тем не менее, две советские танковые дивизии пошли в атаку с задачей «уничтожить наступающего противника». Впрочем «две дивизии» это громко сказано. Правильнее их будет назвать «боевыми группами» или «отрядами» двух дивизий.

В первый день боев под Гродно решилась судьба всех трех танков КВ, имевшихся в корпусе Мостовенко. Один опрокинулся и затонул в болоте. Второй был обездвижен попаданиями в ходовую часть. Это, скорее всего, был первый танк КВ, с которым немцы столкнулись в боях. Как ни странно, донесений об этом столкновении с новой советской бронетехникой не последовало. По крайней мере, таковые пока не обнаруживаются. Третий КВ 11-го мехкорпуса был неисправен и остался в мастерских, позднее его взорвали при отходе. Если под Алитусом состоялось первое танковое сражение Великой Отечественной войны, то под Гродно вкус встречи с танками Т-34 ощутила немецкая пехота. Они произвели впечатление на противника. По словам Мостовенко «Танки противника, пытавшиеся атаковать наши танки были подбиты, а оставшиеся держались за обороняющейся пехотой». Речь, очевидно, идет о батальоне «Штурмгешюцев», поддерживавшем наступление VIII корпуса.

Впрочем, и без «Штурмгешюцев» у пехотинцев были средства для борьбы с советскими танками, в том числе Т-34. Всего по немецким данным за 22 июня в боях на подступах к Гродно было уничтожено 180 советских танков, из них только 8-я пехотная дивизия отчиталась о 80 единицах. Позднее заявка последней была откорректирована в сторону увеличения – до 115 танков. Атакам советских танков также подверглись передовые части 256-й пехотной дивизии, продвинувшейся до Нового Двора. Немцы отчитались о 8 танках, подбитых ими на позициях в Новом Дворе. Если принять немецкую заявку как базовую, речь идет о выбивании как минимум половины машин из 384 танков 11-го мехкорпуса.

Немецкий 20-мм зенитный автомат на полугусеничном шасси прикрывает мост через Неман у Гродно. Город еще горит после «побудки».

Что интересно впоследствии обе стороны расценили свои действия как в той или иной мере успешные. Мостовенко в своем отчете написал: «Пр-к, атакованный танковыми дивизиями приостановил наступление и перешел к обороне, используя населенные пункты и реки»⁷⁴. В свою очередь в отчете VIII корпуса о советских танковых атаках было сказано следующее: «Они пытались смять наступающий клин VIII корпуса, вводя все новые и новые атакующие эшелоны (всего более 500 танков в 13–14 эшелонах). После потери более 120 танков атаки были прекращены»⁷⁵.

В данном случае истина лежит посередине. Контрударом 11-го мехкорпуса 3-й армии удалось избежать немедленного прорыва немцев к Гродно вдоль шоссе. В журнале боевых действий 8-й дивизии немцев об этом сказано прямо и недвусмысленно: «Продвижение остановлено, командир 84-го пп вынужден отказаться от намерения взять Гродно быстрым ударом». О характере сопротивления советских войск вечером донесении отдела Ис (разведка) 9-й армии 23 июня прозвучали такие слова: «Русские сражаются до последнего, предпочитают плену смерть (приказ политкомиссаров). Большие потери личного состава, мало пленных»⁷⁶.

Однако всего две советские танковые дивизии не могли полностью ликвидировать возникший утром 22 июня кризис. Севернее Гродно, по северному берегу Августовского канала к Неману вышла 161-я пехотная дивизия VIII корпуса. Уже в полдень через реку был переправлен один полк, а к вечеру – построен мост. Угроза обхода Гродно с севера была воспринята очень серьезно. Позднее комфронта Павлов на допросе рассказывал о состоявшемся вечером 22 июня разговоре с командующим 3-й армией. Павлов вспоминал: «На мой вопрос, каково положение на его правом фланге, Кузнецов ответил, что там положение, по его мнению, катастрофическое, так как разрозненные части в районе Коце (севернее Гродно) с трудом сдерживают натиск противника, а стрелковый полк, находящийся между Коце и Друскеники, был смят ударом с тыла очень крупных механизированных частей, но что он сейчас собирает все, что у него есть под рукой, и бросает в район Коце»⁷⁷.

«Коце» (Hoza) это городок к северу от Гродно на шоссе на Друскенинкой. «Крупные механизированные части» это, скорее всего, левофланговые подразделения LVII корпуса 3-й танковой группы. Тревогу Кузнецова можно понять, обход фланга армии механизированными соединениями противника Поэтому он прямо сказал Павлову, что «нам придется оставить Гродно». Город Гродно сам по себе был достаточно сильной позицией. Путь наступающему на город с запада противнику преграждала огибающая город река Неман.

Немецкий исследователь белостокского «котла» Хейдорн пишет:

«Еще рано утром 23 июня в 8-й пд считали, что предстоит кровопролитное форсирование Немана и взятие Гродно с боем. Последние дополнения были внесены в приказ о наступлении в 07.15. Тем больше были удивление и облегчение, когда разведывательный батальон 8-й пд доложил, что ему удалось в 08.50 занять мост южнее Гродно. Берег Немана и Гродно были очищены противником.

В течение утренних часов дивизия переправлялась через Неман по мосту южнее Гродно. В то время как 84-й пп остался для прикрытия фланга дивизии южнее Гродно и в самом городе, основная часть дивизии, имея в авангарде разведбатальон, начала движение севернее Немана в направлении на юго-восток, на Скидель, причем разведывательный батальон 8-й пд столкнулся с сильным сопротивлением врага лишь в 19.00 на берегу Котры (24 км юго-восточнее Гродно, 4 км западнее Скиделя)»⁷⁸.

⁷⁴ ЦАМО РФ, ф.208, оп.2511, д.83, л.64.

⁷⁵ ЦАМО РФ, ф.500, оп.12462, д.320, л.3.

⁷⁶ ЦАМО РФ, ф.500, оп.12462, д.547, л.34.

⁷⁷ 1941 год. Документы. Т.2, С.459.

⁷⁸ Heydorn V.-D. Op. cit. S.188.

Командующий фронтом Павлов в своем приказе, отправленном в 3-ю армию вскоре после полуночи 22 июня, четко и недвусмысленно поставил задачу: «Вам надлежит всеми мерами прочно удержать Гродно»⁷⁹.

Одним словом решение Кузнецова оставить Гродно было, по меньшей мере, спорным, хотя и объяснимым. Оно существенно ухудшило условия, в которых 3-й армии пришлось сражаться в последующие дни. Кроме того, в Гродно были сосредоточены запасы боеприпасов, которые пришлось частью раздать войскам, а частью все же взорвать. В итоге уже 24 июня Кузнецов докладывал в штаб фронта «В частях создано чрезвычайно тяжелое положение с боеприпасами». В свою очередь в вечернем донесении отдела Ис (разведка) 9-й армии прозвучали такие слова: «В Гродно захвачены большие трофеи оружия, боеприпасов и продовольствия»⁸⁰.

⁷⁹ На приказе есть пометка «Отправлен 23 июня 1941 г. 0 часов 38 минут».

⁸⁰ ЦАМО РФ, ф.500, оп.12462, д.547, л.34.

Воздушный Перл-Харбор.

В период подготовки к вторжению, среди командиров 2-го воздушного флота возникла дискуссия относительно наиболее подходящего времени для удара по аэродромам. Подполковник Пауль Дейчманн, начальник штаба II авиакорпуса, считал, что перелетать границу одновременно с началом артиллерийской подготовки нецелесообразно. С учетом необходимости атаковать цели в глубине советской обороны это давало примерно 40-минутный интервал на приведение аэродромов в боевую готовность. Советское командование могло поднять самолеты в воздух и атакующие немецкие бомбардировщики могли выйти к тщательно разведанным командой Ровеля, но пустым аэродромам. Перелет же границы раньше лишал внезапности сухопутные войска. Те же мысли тревожили других командиров авиасоединений 2-го воздушного флота. В итоге командир 51-й истребительной эскадры Мельдерс и командир VIII авиакорпуса Рихтгоффен обратились к командующему флотом Кессельрингу с предложением, суть которого можно было охарактеризовать фразой «Мы подкроемся к аэродромам на большой высоте, как воздушные разведчики». Назначенные для удара самолеты должны были набрать максимальную высоту над занятой германскими войсками территорией, а затем в темноте над болотистыми и лесными участками, с приглушенными моторами пересечь границу. Это предложение было принято Кессельрингом.

В небе над СССР – Bf110 из эскадры ZG26.

Главной целью германских летчиков, перелетевших границу еще в темноте, были аэродромы 9-й смешанной авиадивизии. Однако нельзя сказать, что план удара одновременно с артподготовкой полностью сработал. Командир 129-го истребительного полка капитан Ю. М. Беркаль, услышав артиллерийскую канонаду, тут же (на свой страх и риск) объявил боевую тревогу. С аэродрома Тарново поднялись истребители. Всего за день ими было выполнено 74 самолето-вылета на прикрытие аэродрома. Советские летчики заявили об уничтожении 2

истребителей Ме-109. В воздушном бою был потерян 1 самолет, еще 1 не вернулся с боевого задания. На земле было потеряно 27 МиГ-3, 11 И-153⁸¹.

В соседнем 124-м истребительном авиаполку майора И. П. Полунина также вовремя объявили тревогу. В воздух поднялись заместитель командира полка капитан Н. А. Круглов и мл. лейтенант Д. В. Кокорев. Последнему удалось перехватить и сбить таранным ударом двухмоторную двухкилевую машину, опознанную как До-217. В действительности это был истребитель Ме-110. Ему было суждено стать первым потерянным немцами самолетом на восточном фронте. Первый удар немцев по аэродрому Высоке-Мазовецке своей цели не достиг. Однако секретом успеха 22 июня был не первый удар по «спящему аэродрому», а конвейер следующих один за другим ударов. По аэродрому 124-го полка немцами за день было выполнено около 70 самолето-вылетов, при этом чередовались атаки Ме-110 и He-111. Рано или поздно наступал момент, когда все самолеты оказывались прикованы к земле, заправляясь или перезаряжая оружие. В итоге немцам удалось подбить и уничтожить 30 советских самолетов.

Сыграли свою роль также субъективные факторы. Командир 9-й авиадивизии генерал Черных растерялся и не принял никаких мер по выводу полков из-под удара. Точнее своих неатакованных аэродромов у него не было, а согласовать и организовать маневр дальше на восток Черных не сумел или не успел. В итоге новейшие самолеты были добиты почти без помех во втором и последующих ударах. Всего за день дивизия лишилась 347 самолетов из 409 имевшихся.

Более благоприятное соотношение сил для немцев на центральном участке советско-германского фронта позволило им атаковать практически все аэродромы трех подчиненных армиям авиадивизий и даже дотянуться до аэродрома Бобруйск 13-й бомбардировочной авиадивизии. Более того, подвергались атакам даже не занятые самолетами аэродромы. Такое плотное воздействие привело к тому, что полки 9, 10 и 11-й авиадивизий весь день подвергались систематическим ударам с воздуха.

На аэродроме Лесище, где базировался 127-й истребительный авиаполк 11-й авиадивизии боевая тревога была объявлена в 3 часа 25 минут 22 июня. Уже в 3 часа 30 минут в воздух поднялось дежурное звено из трех самолетов. По телефону с поста ВНОС сообщили, что немецкие бомбардировщики в сопровождении истребителей пересекли границу. Немедленно были подняты в воздух остальные самолеты дежурной эскадрильи. 127-й полк в течение дня 22 июня не ограничился прикрытием своего аэродрома. Истребители полка вели бой над Гродно, Лидой, Августовым. Некоторые пилоты сделали по 8–9 вылетов, что было фактически на пределе человеческих возможностей. В воздушных боях было потеряно 10 своих самолетов, летчики заявили об уничтожении 11 вражеских самолетов. Среди заявок 127-го полка несколько раз фигурируют самолеты ФВ-198. Как ни странно, эти потери подтверждаются противником. Только потеряны были в районе Гродно два разведчика ФВ-189, «рамы». Один из них был потерян полностью, экипаж погиб.

⁸¹ ЦАМО РФ, ф.5 гв. ИАП, оп.143445 д.1. л.2.

Разбитый на аэродроме бомбардировщик СБ-2.

Если аэродромы, на которых базировались истребители, еще могли за себя постоять, то аэродромы бомбардировщиков при отсутствии аэродромного маневра оказывались легкой и благодарной целью. В 16-м бомбардировочном полку той же 11-й авиадивизии бомбоштурмовые налеты немцев вывели из строя 23 СБ и 37 Пе-2.

Вынос вперед аэродромов истребительной авиации Западного особого военного округа привел к тому, что уже к середине дня 22 июня 1941 г. к одному из аэродромов вышли даже не танки, а немецкие пехотинцы в сопровождении «Штурмгешюцев». Это был аэродром Новый Двор 122-го ИАП 11-й авиадивизии. Незадолго до начала боевых действий на нем был слы-

шен гул моторов на немецкой территории. Но это были не танки. Скорее всего это были артиллерийские тягачи – по другую сторону границы на позиции выходила многочисленная артиллерия VIII армейского корпуса. Проломив с помощью этой артиллерии оборону на границы, немецкая пехота устремилась вперед и к полудню вышла к советскому аэродрому.

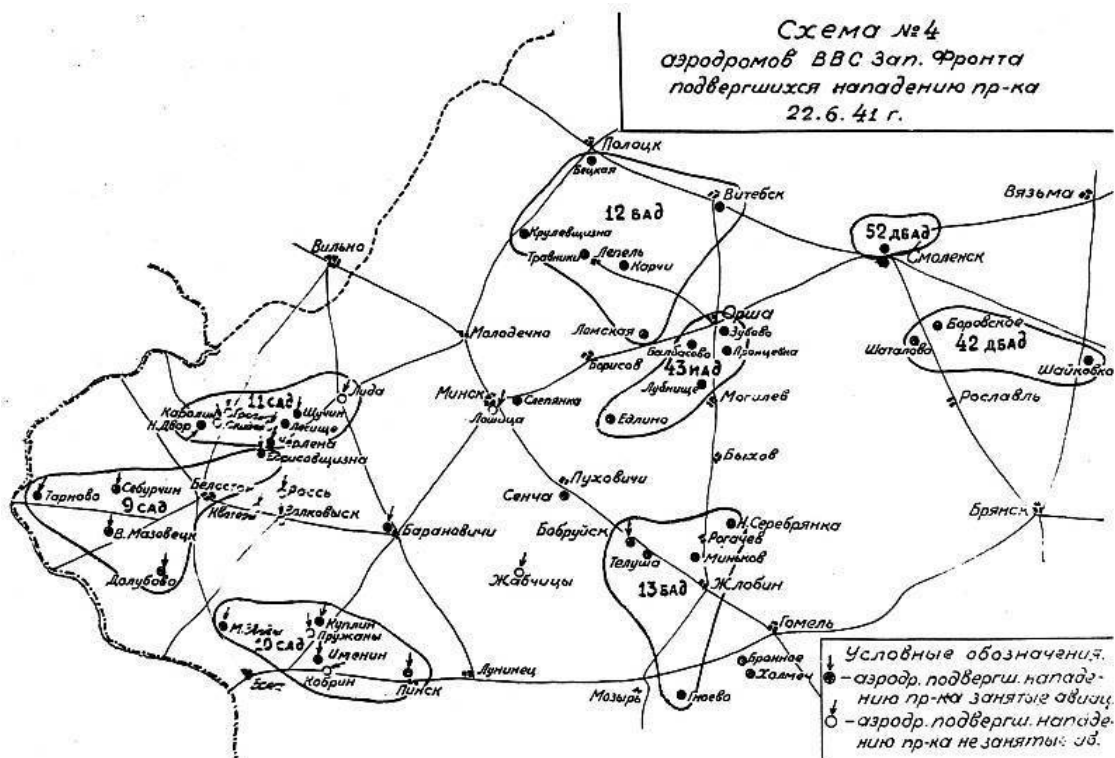

Схема атакованных в первый день войны аэродромов Западного фронта.

В журнале боевых действий 256-й пехотной дивизии это описывалось так: «481-й пп после захвата Сёлко безостановочно наступает в направлении на Новый Двор. В 12.30 он выходит к аэродрому, расположенному примерно в 4 км к северу от Нового Двора, и огнем станковых пулеметов совместно с подчиненной ему батареей штурмовых орудий уничтожает 38 подготовившихся к взлету самолетов на земле, после чего поджигает многочисленные ангары, в которых тоже находятся самолеты»⁸²

⁸² Heydorn V.-D. Op. cit., S.187.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.